

12+

Право остаться

Евгений Волков

Евгений Волков

Право остаться

«Издательские решения»

Волков Е. И.

Право остаться / Е. И. Волков — «Издательские решения»,

Город Арден должен защититься от будущего наводнения. Но самый надёжный маршрут новой защитной системы проходит через Вересковую — старый район, где люди прожили десятки лет. Жители идут в суд не против самого проекта, а за право быть услышанными до того, как их дома превратятся в линии на инженерной карте. «Право остаться» — роман о цене общественного блага, границах закона и о том, можно ли справедливо решить, чья потеря окажется необходимой.

© Волков Е. И.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	65
Глава 10	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Право остаться

Евгений Игоревич Волков

Роман является художественным произведением. Все персонажи, государственные и муниципальные органы, суды, организации, географические объекты, правовые нормы, сроки и процедуры, описанные в книге, являются вымышленными, если прямо не указано иное. Описанные юридические процедуры не воспроизводят законодательство какой-либо конкретной страны и не являются юридической консультацией. Возможные совпадения с реально существующими лицами и организациями случайны.

© Евгений Игоревич Волков, 2026

ISBN 978-5-0071-1872-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

7 сентября 2026 года

К восьми утра в юридическом отделе департамента инфраструктуры было слишком тихо для дня, когда город собирался сообщить ста восьмидесяти людям, что их улица должна исчезнуть.

Марта Рейн пришла в семь двадцать три. Не потому, что нервничала. Она вообще редко называла нервозностью состояние, при котором хотелось ещё раз проверить уже проверенное. На её языке это называлось подготовкой.

На столе лежали три стопки: окончательная редакция уведомления собственникам, отдельная памятка для арендаторов и список адресов, где письмо следовало вручить не только почтой, но и через городского курьера. Рядом стояла чашка кофе, к которой Марта ещё не притронулась, и папка с решением городской комиссии по инфраструктуре от пятницы.

На обложке папки было напечатано: «Программа защиты от паводков. Южный контур. Утверждение предпочтительного маршрута».

Слово «предпочтительного» раздражало жителей ещё до того, как они увидели документ. Марта это знала по прошлым консультациям. Оно звучало так, будто город выбирал между приятными вариантами. В действительности ни один вариант не был приятным. Один стоил четыреста шестьдесят восемь миллионов, проходил через Вересковую набережную и требовал отчуждения большей части района. Другой сохранял почти все жилые дома, но обходился примерно на тридцать восемь процентов дороже, требовал переноса дороги и сложной перекладки двух магистральных сетей. Третий был хуже по гидравлике и дольше по срокам.

В пятницу комиссия выбрала первый.

Сегодня город должен был перестать говорить о коридорах, вариантах и сравнительных моделях и назвать адреса.

Марта открыла письмо для собственников.

«Настоящим уведомляем вас, что объект недвижимости по адресу... включён в границы территории, необходимой для реализации утверждённого маршрута Южного контура системы противопаводковой защиты города Ардена».

Она прочитала абзац второй, хотя знала его почти наизусть.

«Включение объекта в границы территории не означает немедленного прекращения права собственности. До издания индивидуального акта об отчуждении город проведёт оценку имущества, направит предложение о добровольном выкупе и предоставит собственнику возможность представить сведения об обстоятельствах, влияющих на размер компенсации».

Точно. Неприятно. Не двусмысленно.

В пятницу отдел коммуникаций предлагал заменить «отчуждение» на «приобретение городом». Марта вернула исходное слово.

— Если это может закончиться принудительным отчуждением, — сказала она тогда, — мы не должны называть это так, будто человек решил продать квартиру по собственной инициативе.

Сотрудник коммуникаций ответил, что слово пугающее.

— Процедура тоже не успокаивающая.

После этого формулировку оставили.

Марта провела пальцем по строке о компенсации. Базовое предложение города составляло рыночную стоимость плюс десять процентов, отдельно оплачивались разумные расходы на переезд. Для собственников это было больше установленного законом минимума. Для коммерческих арендаторов — существенно меньше, и этот вопрос уже стоял у неё в списке ожидаемых проблем.

Она открыла памятку для арендаторов.

В шестьдесят третьей строке таблицы значилось: «Вересковая набережная, 17, помещение 3 — мастерская, арендатор: Малик Дари».

Собственником здания была компания, владевшая ещё шестью небольшими объектами в городе. Компания получит компенсацию за недвижимость. Арендатор сможет заявить документально подтверждённые расходы на переезд оборудования и часть убытков, непосредственно связанных с досрочным прекращением аренды, если они соответствуют условиям договора и положениям городской программы.

Марта остановилась на словах «непосредственно связанных».

Они были точными. Она сама настояла на них.

Они ничего не говорили о том, что бывает с мастерской, когда новая аренда в другом районе в полтора раза выше.

Это не означало, что фраза была неправильной. Закон не становился неправильным оттого, что не помещал в одно предложение всю жизнь человека.

В восемь без десяти в дверях появился Томас Эль, младший юрист отдела, с выражением человека, которому принтер только что сообщил нечто о бренности государственных институтов.

— У нас проблема.

Марта подняла глаза.

— Юридическая или бумажная?

— Пока бумажная. Но принтер настроен эскалировать.

— Что случилось?

— На пакете номер сто сорок два карта обрезается ровно по легенде. Если это символично, я прошу не объяснять.

Марта впервые за утро улыбнулась.

— Печатайте карты отдельно на А3. И проверьте все пакеты после сто сорок второго.

— Уже.

Он не уходил.

— Что ещё?

— На сайте в вопросах и ответах написано, что «подавляющее большинство собственников смогут приобрести сопоставимое жильё в пределах Ардена». Коммуникации спрашивают, можно ли оставить.

— Нет.

— Потому что «сопоставимое» нельзя доказать?

— Потому что мы не знаем, что каждый из них считает сопоставимым. И потому что в Вересковой почти нет предложений. Напишите: «Размер компенсации рассчитывается исходя из рыночной стоимости с предусмотренной городской надбавкой». Без обещаний за чужой рынок.

Томас записал.

— Они скажут, что это звучит холодно.

— Это звучит проверяемо.

— Я так и подумал, что вам понравится.

— Томас.

— Уже ушёл.

Он закрыл дверь, не переставая печатать что-то в телефоне.

В восемь тридцать началось последнее совещание перед публикацией решения. Юлиан Керр пришёл с тубусом чертежей, хотя все карты были выведены на экран. Он всегда приносил бумажные планы на совещания, словно не доверял зданию городской администрации сохранять электричество достаточно долго для инженерной дискуссии.

Кроме него за столом сидели руководитель программы Нина Саар, специалист по оценке недвижимости Павел Рош и представитель службы переселения Инесса Лор. Марта положила перед собой только блокнот.

— Я хочу ещё раз проговорить последовательность, — сказала Нина. — В девять решение появляется в реестре. В девять ноль пять уходит пресс-релиз. В десять курьеры начинают доставку. В шесть вечера открываем телефонную линию до десяти. Публичная встреча — в четверг.

— Уведомления по электронной почте собственникам, которые дали согласие на электронную связь, — добавила Марта, — только после публикации в реестре. Не одновременно и не за минуту до. Нам не нужен спор о том, когда решение стало доступно.

Нина кивнула.

— Юлиан?

Он уже стоял у экрана.

— Карта на сайте должна быть в высоком разрешении. На версии, которую я видел вчера, насосная станция выглядит так, будто стоит внутри дома номер двадцать один.

— Она рядом с ним, — сказала Инесса.

— «Рядом» — полезное слово только до тех пор, пока речь не идёт о двадцати двух тысячах кубометров воды в час.

— Мы поправили слой, — сказала Нина.

Юлиан сел, но почти сразу снова подался вперёд.

— И ещё. В пресс-релизе написано: «Маршрут выбран как наиболее экономичный». Это неверно.

Марта посмотрела на него.

— В сравнительной таблице он самый дешёвый.

— Самый дешёвый — да. Но выбран он не поэтому. Он имеет лучший суммарный показатель по надёжности, возможности поэтапного строительства и срокам. Если вы напишете «наиболее экономичный», через час заголовок будет: «Город сносит район ради экономии».

— А если убрать стоимость, — сказал Павел, — через час заголовок будет: «Город скрывает, что экономит на районе».

— Я не предлагаю убрать стоимость.

Юлиан развернул к ним страницу с таблицей, на которой было столько чисел, что Марта невольно подумала о том, как инженеры, должно быть, смотрят на юридические заключения.

— Вариант через Вересковую позволяет поставить главную насосную станцию на устойчивом основании и замкнуть защитную линию без второго пересечения магистрального коллектора. Альтернатива через Восточную дорогу требует двух временных схем водоотведения на период строительства. Это не декоративная сложность. Это дополнительный риск в течение трёх паводковых сезонов.

— Это всё есть в отчёте, — сказала Марта. — В пресс-релизе можно написать: «Выбран вариант с наилучшим сочетанием технической надёжности, сроков и стоимости».

Юлиан помолчал.

— С этим могу жить.

— Хорошо, потому что с остальным нам всем тоже придётся.

Нина бросила на Марту короткий взгляд, определяя, была ли это шутка. Марта не помогла ей.

Павел открыл свою папку.

— По оценкам. Мы начинаем осмотр квартир через две недели. Первые предложения сможем направить в конце октября. Мне нужна единая позиция по вопросу «почему сосед получил больше».

— Единой суммы не будет, — сказала Марта. — Будет единая методика. Площадь, состояние, этаж, права на помещения, подтверждённые улучшения. И каждому надо объяснять расчёт по его объекту, а не ссылаться на среднее по району.

— Я знаю. Я спрашиваю, что говорить, когда люди сравнивают цифры.

— То же самое, только спокойнее.

Инесса перелистнула список адресов.

— У меня другой вопрос. По четырнадцати собственникам возраст старше семидесяти пяти. Мы можем предложить сопровождение при поиске жилья уже сейчас, до оценки?

— Можем, — сказала Марта. — Но отделите помощь от переговоров о выкупе. Человек не должен думать, что принятие помощи означает согласие с отчуждением.

— Это будет в форме.

— И словами тоже.

На секунду за столом стало тихо.

Марта заметила, что Юлиан смотрит на карту. Вересковая набережная была выделена полупрозрачной красной полосой. На экране она казалась почти пустой: четыре прямоугольника многоквартирных домов, россыпь меньших строений, улица, двор, бывший склад. За ней — река. Чуть восточнее — больничный комплекс. Дальше — транспортный узел, подстанция, старый центр.

На такой карте общественный интерес выглядел убедительно.

На почтовом конверте он занимал куда меньше места.

Нина сказала:

— Самый неприятный вопрос в четверг будет простой: почему именно мы?

Юлиан поднял голову.

— Потому что здесь проходит наиболее надёжная линия.

Инесса вздохнула.

— Я сказала «неприятный», а не «сложный для инженера».

— Это и есть ответ.

— Нет. Это ответ на вопрос «почему линия здесь». Люди будут спрашивать «почему мой дом».

Юлиан нахмурился, как будто различие было неочевидным, а потом всё-таки кивнул.

Марта записала в блокноте: «Публичная встреча: не путать маршрут и человека».

Она сразу же зачеркнула фразу. Звучало как лозунг отдела коммуникаций.

Вместо неё написала: «Сначала ответить на индивидуальный вопрос. Потом объяснять систему».

В девять ровно Нина обновила страницу городского реестра.

Решение появилось без фанфар — строка среди других административных актов. Номер, дата, название, ссылка на приложение.

— Опубликовано, — сказала она.

Марта посмотрела на часы.

— Отправляйте.

Через несколько секунд в коридоре начали звонить телефоны.

Первый звонок пришёл не от жителя, а от журналиста. Второй — от агентства недвижимости. Третий — от женщины, которая не жила на Вересковой, но хотела знать, станет ли город теперь сносить все старые районы у воды. К девяти двадцати на общей линии висели одиннадцать вызовов.

Марта вернулась в кабинет и открыла электронную почту.

Тема первого письма была написана заглавными буквами: «ВЫ УЖЕ ВСЁ РЕШИЛИ».

Она не стала отвечать сразу. Сохранила письмо в папку обращений, где его должны были зарегистрировать. Формально автор ошибался. Решение о предпочтительном маршруте

действительно было принято в пятницу, после нескольких раундов консультаций, и именно сегодня оно было опубликовано. До этого существовал проект решения, рекомендации инженеров, оценки вариантов. Не окончательный акт.

Но Марта понимала, почему человеку разница могла показаться издевательской.

В десять двенадцать Томас принёс распечатку первого обращения от адвоката.

— Быстро.

— Не иск, — сказал он. — Запрос о сохранении материалов дела. Они требуют не уничтожать черновики, рабочие таблицы, переписку по вариантам маршрута и протоколы консультаций.

Марта прочитала письмо. Под ним стояло название небольшой организации — Центр общественного права Ардена. Подпись: Алекс Варн.

Имя она знала. Не лично. Он несколько раз представлял заявителей в спорах о градостроительных решениях и однажды добился отмены разрешения на реконструкцию автостанции из-за недостаточного уведомления соседних кварталов. Решение было техническим и совершенно правильным, хотя после него город потерял семь месяцев.

— Разошлите уведомление о сохранении документов всей проектной группе, — сказала Марта.

— У нас и так действует режим хранения.

— Теперь будет отдельное письменное указание. И добавьте личные устройства, если кто-то использовал их для рабочей переписки.

Томас поморщился.

— Юлиан будет счастлив.

— Счастье инженеров не относится к нашим полномочиям.

— А если они обсуждали насосы в семейном чате?

— Тогда я очень хочу знать, зачем.

Томас ушёл.

Марта перечитала письмо Варна. Оно было аккуратным. Без обвинений в незаконности. Без угроз. Просто перечень категорий материалов и просьба подтвердить сохранение до возможного судебного обращения.

Хороший юрист, подумала она.

Не потому, что письмо было агрессивным. Потому, что в нём не было ничего лишнего.

Она подготовила короткий ответ: город подтверждает действующий режим хранения, дополнительное уведомление проектной группе направлено, материалы будут сохраняться в соответствии с установленными правилами. Никаких рассуждений о законности маршрута. Никакой фразы «мы уверены в своей позиции» — фразы, которую особенно любили пресс-службы и которая в юридической переписке не делала позицию увереннее.

К обеду на площади перед администрацией стояли две съёмочные группы. В социальных сетях уже расходилась фотография карты с красной полосой через Вересковую набережную. Кто-то подписал её: «468 миллионов за то, чтобы стереть 180 человек». В ответ другой пользователь написал: «63 тысячи человек должны рисковать больницей и электричеством ради четырёх старых домов?»

Обе фразы были короткими.

И обе позволяли не думать о второй половине предложения.

В половине второго Марта спустилась в столовую. Она успела взять суп и сесть у окна, когда ей позвонила Инесса.

— У нас мужчина на линии спрашивает, сможет ли он забрать старые двери из квартиры после выкупа.

— Если они принадлежат ему и их снятие не уменьшит согласованную стоимость объекта после заключения договора — возможно. Но сейчас никаких обещаний. Запишите вопрос.

— Он говорит, что двери делал сам.

— Тогда обязательно запишите.

— Марта, я не спрашиваю как юриста. Мне просто нужен человеческий ответ.

Марта посмотрела на суп.

— Человеческий ответ: я бы тоже хотела забрать двери, если бы сделала их сама. Городской ответ: мы должны сначала понять, как это оформить, чтобы потом никто не получил счёт за повреждение квартиры.

Инесса рассмеялась.

— Вот. Так и скажу, только без счёта.

После звонка Марта всё-таки попробовала суп. Он оказался холодным.

К четырём часам пришло сорок семь письменных обращений. Девять были только вопросами о процедуре. Семь — о компенсации. Четыре — от арендаторов бизнеса. Одно — от человека, который хотел купить пустующее здание на Вересковой и теперь требовал сообщить, стоит ли ему это делать. Остальные содержали разной степени вежливости версии одного вопроса: можно ли ещё изменить маршрут.

Можно, подумала Марта.

Юридически — да. Решение комиссии было административным актом, который город мог пересмотреть сам или который суд мог отменить при нарушении закона. Но «можно» не означало «город намерен». На сегодня позиция была ясной: маршрут выбран после многолетней инженерной работы, проект необходим, задержка нежелательна.

Она не видела в этом жестокости. Администрация, которая бесконечно откладывает решение, чтобы никого не расстроить, в конце концов тоже принимает решение — только ответственность за него обнаруживается позже.

В пять сорок Марта закрыла ноутбук. В шесть началась расширенная телефонная линия, но её дежурство было завтра. Она могла уйти домой.

Вместо этого взяла папку с картами и поехала на Вересковую набережную.

Не из чувства долга. В четверг ей предстояло участвовать в публичной встрече, а она не любила говорить о месте, которое знала только по кадастровым схемам.

От администрации трамвай шёл двенадцать минут. Потом она прошла под железнодорожным мостом и оказалась на улице, которую последние месяцы видела в масштабе один к двум тысячам.

Она не была красивой в том аккуратном смысле, который любят городские буклеты. Асфальт у бордюра просел. На фасаде дома номер девять тянулась тёмная полоса сырости. Между двумя частными домами стояли мусорные контейнеры, один с перекошенной крышкой. Парковка была устроена по принципу взаимной веры в терпение соседей.

У воды, однако, было светло. Река отражала белёсое сентябрьское небо. По противоположному берегу шёл трамвай, за ним поднимались корпуса городской больницы. Ещё дальше виднелась стеклянная крыша транспортного узла.

Марта прошла мимо мастерской с вывеской «Дари. Велосипеды и электрика». Внутри молодой мужчина держал перевернутый велосипед за раму, а пожилой клиент что-то показывал ему на телефоне. Рядом работало небольшое кафе. Перед магазином продуктов женщина раскладывала ящики с яблоками. На детской площадке двое школьников раскачивали пустые качели вместо того, чтобы качаться самим.

Обычная улица.

Именно это оказалось самым неудобным.

Не исторический памятник. Не трущоба. Не место, которое легко было объявить либо бесценным, либо непригодным для жизни. Просто район, где люди платили счета, ругались из-за парковки, знали, в каком магазине молоко дешевле, и не думали о городской гидрологии каждый раз, когда открывали дверь подъезда.

Марта остановилась у дома номер двадцать три и сверилась с картой. По будущей схеме здесь проходила линия стены. Сам дом попадал в полосу отчуждения полностью. За ним должна была идти сервисная дорога к насосной станции.

На бумаге красная линия имела ширину двенадцать миллиметров.

Здесь она была шириной с дом, двор и несколько деревьев.

Марта убрала карту в папку.

Её вывод не изменился. Проект по-прежнему был необходим. Выбранный маршрут по-прежнему имел сильное техническое и финансовое обоснование. У города по-прежнему были полномочия принять решение, которое кому-то причинит ущерб, если общественная необходимость этого требовала и процедура была соблюдена.

Но в четверг, решила она, она не позволит начать встречу со слайда о шестидесяти трёх тысячах защищаемых жителей.

Сначала нужно будет сказать, что именно произойдёт с этой улицей.

Потом — почему.

Телефон завибрировал. Новое письмо от Томаса.

«Алекс Варн подтвердил получение. Пишет, что завтра встретится с группой собственников Вересковой. Просит контакт для процессуальной переписки, если будет подано заявление в суд».

Марта посмотрела на пустую строку будущей стены, которую пока можно было увидеть только на плане.

Она отправила ему свой рабочий адрес.

Потом пошла к остановке.

Глава 2

8 сентября 2026 года

Курьер позвонил в дверь Эвы Мирен в девять семнадцать утра, когда она пыталась решить, можно ли считать вчерашний городской выпуск новостей достаточной причиной не мыть окна.

Она решила, что нельзя.

Клара Вент говорила, что в семьдесят лет человек получает право не мыть окна по расписанию. Эве было шестьдесят семь, поэтому формально она ещё не достигла возраста полной бытовой амнистии. К тому же на стекле после ночного дождя осталась длинная грязная полоса, и всякий раз, когда Эва садилась за стол, взгляд цеплялся именно за неё.

Звонок повторился.

— Иду.

За дверью стоял молодой мужчина в синей куртке городской курьерской службы. В одной руке — планшет, в другой — плотный белый конверт.

Он сверился с экраном.

— Эва Мирен?

— Если вы из банка, то нет.

Курьер поднял глаза и на секунду растерялся. Потом улыбнулся.

— Из города.

— Тогда, к сожалению, да.

Он протянул ей конверт и попросил расписаться. Эва поставила палец на экране, но подпись получилась похожей на схему плохо уложенного кабеля.

— Этого достаточно?

— Всем достаточно, — сказал курьер с усталой уверенностью человека, видевшего за утро уже много подписей.

Эва закрыла дверь.

На конверте было её имя, адрес и герб Ардена. Ни слова о том, что внутри. Вчера она видела новости. Видела красную полосу на карте, слышала фразу «утверждён предпочтительный маршрут», прочитала два сообщения от соседей и одно от Клары, написанное целиком заглавными буквами. Она знала, что письмо придёт.

До того момента, пока оно не лежало у неё на столе, всё это ещё можно было относить к категории городских вещей: заседаниям, схемам, словам людей в костюмах.

Конверт был домашней вещью. Он лежал рядом с сахарницей.

Эва вытерла руки о полотенце, хотя руки были сухими, взяла нож для хлеба и аккуратно вскрыла край.

Первый лист начинался с её адреса.

Она прочитала его дважды.

«Объект недвижимости по адресу: Вересковая набережная, дом 8, квартира 17...»

Вот так, подумала Эва.

Не «район».

Не «жилые строения».

Квартира семнадцать.

Дальше шли слова, которые она понимала по отдельности и не любила вместе: «территория, необходимая для реализации», «индивидуальный акт», «добровольный выкуп», «оценка рыночной стоимости», «право представить сведения».

Она дошла до фразы о том, что включение объекта в границы проекта не означает немедленного прекращения права собственности, и неожиданно разозлилась именно на слово «немедленного».

Будто это должно было успокаивать.

Квартиру у неё не забирают сегодня. Отлично.

Сегодня можно вымыть окна.

Она положила письмо, подошла к шкафу в прихожей и открыла верхнюю дверцу. Там лежала синяя папка с документами на квартиру, которую после смерти мужа она не доставала два года. Свидетельство о собственности, план, старые счета за замену окон, договор с управляющей компанией, квитанция за ремонт ванной.

Эва принесла папку на кухню и разложила всё рядом с городским письмом.

Шестьдесят шесть квадратных метров.

Третий этаж.

Две комнаты.

Окна во двор и на боковой просвет к реке, если встать у спальни немного правее, чем удобно.

Никакой особой ценности.

Именно это раздражало сильнее всего.

Если бы дом был редким памятником, если бы квартира принадлежала семье сто лет, если бы на стене висела табличка о каком-нибудь поэте, можно было бы хотя бы объяснить, почему она не хочет уходить.

А так объяснение звучало нелепо: потому что здесь у неё аптечка в левом шкафчике, потому что внизу Клара держит для неё молоко без лактозы, если привоз заканчивается, потому что автобус номер шесть останавливается у рынка, потому что до терапевта одиннадцать минут, если не болит колено, и пятнадцать, если болит.

Ни одна из этих вещей не была частью квартиры.

Она взяла письмо снова.

Город обещал рыночную стоимость имущества с десятипроцентной надбавкой и разумные расходы на переезд. Индивидуальная сумма появится после оценки. Осмотры начнутся не раньше чем через две недели. До выдачи оценки никто не просил её соглашаться на продажу.

В приложении был отдельный лист с заголовком «Что произойдёт дальше».

Эва прочитала первый пункт.

Потом второй.

На третьем остановилась.

«Собственник вправе сообщить оценщику о произведённых улучшениях и иных обстоятельствах, влияющих на стоимость объекта».

Она посмотрела на кухню.

— У меня хорошая вытяжка, — сказала она вслух.

Тишина квартиры никак не отреагировала.

— И что?

Она перевернула лист.

На последней странице были телефоны, адрес электронной почты, дата публичной встречи в четверг и строка о возможности оспорить решение в Административном суде Ардена в установленный срок. Мелким шрифтом уточнялось: сорок пять календарных дней со дня официальной публикации решения.

Не со дня получения письма.

Эва посмотрела на дату: седьмое сентября.

Один день уже прошёл.

Она взяла телефон и позвонила Кларе.

— Получила? — спросила та вместо приветствия.

— Только что.

— У меня в семь сорок. Они что, думают, магазин открывается вместе с солнцем?

Клара жила над своим продуктовым магазином в другом конце улицы. Она вставала в пять тридцать и открывала дверь для поставщиков в шесть. Жалоба была чисто принципиальной.

— У тебя тоже сорок пять дней? — спросила Эва.

— У всех сорок пять.

— От вчерашнего дня.

— Алекс сказал, что да.

Эва выпрямилась.

— Какой Алекс?

— Юрист. Сегодня вечером встреча. Я тебе вчера отправляла.

Эва нашла сообщение, которое ночью не дочитала. Внизу действительно было: «18:30, Липа, придёт юрист из Центра общественного права».

— Ты уже решила судиться?

— Я решила послушать человека, который знает, чем мы можем судиться. Это не одно и то же.

— А Леона?

— Леона решила, что сначала хочет узнать, сколько дадут.

— Конечно.

Клара замолчала.

— Эва.

— Что?

— Не начинай.

— Я ничего не начала.

— Ты сказала «конечно» так, будто Леона лично проектировала эту стену.

— Я сказала одно слово.

— Ты умеешь помещать в одно слово больше, чем город в двенадцать страниц.

Эва хотела возразить, но не нашла достаточно хорошего возражения.

— В шесть тридцать?

— Да. И принеси письмо.

После разговора Эва набрала городской номер из памятки.

Ей ответили быстрее, чем она ожидала.

— Служба переселения программы Южного контура, меня зовут Инесса. Чем могу помочь?

Голос был спокойный и не слишком бодрый. Эва уже за это была благодарна.

— Я получила письмо по дому восемь.

— Назовите, пожалуйста, номер квартиры.

— Семнадцать.

Послышался стук клавиш.

— Да, вижу. Эва Мирен?

— Да. Я хочу понять, куда мне предлагают переехать.

Короткая пауза.

— Сейчас город не предлагает вам конкретную квартиру. Сначала проводится оценка вашего объекта. После этого вы получите предложение о добровольном выкупе. Отдельно мы можем помочь с поиском доступных вариантов жилья, если вы захотите.

— То есть вы пока не знаете, куда.

— Конкретно — нет.

— Но знаете, что отсюда.

Инесса снова выдержала паузу, на этот раз чуть дольше.

— Утверждённый маршрут предполагает отчуждение вашего дома, да.

Эва отметила про себя, что женщина не сказала «если проект состоится». Наверное, её этому учили.

— А если на сумму вашей оценки рядом ничего нет?

— Оценка будет проводиться по рыночной стоимости вашего имущества. К ней применяется городская надбавка в десять процентов. Расходы на переезд компенсируются отдельно.

— Я это прочитала. Я спрашиваю про «рядом».

— Это зависит от того, какие объекты будут на рынке в момент, когда вы будете искать жильё. Мы не можем обещать конкретное местоположение до подбора.

Ответ был разумным.

Именно поэтому Эве хотелось бросить трубку.

— У меня врач на улице Клемма.

— Понимаю.

— Аптека здесь.

— Да.

— Я не вожу машину.

— Это тоже можно учитывать при сопровождении поиска жилья.

— При оценке квартиры?

— Нет. При сопровождении.

Вот, подумала Эва.

Первая настоящая граница.

Стоимость квартиры находится в одной колонке.

То, зачем ей именно эта квартира, — в другой, где нет суммы.

— Как вас зовут?

— Инесса Лор.

— Вы будете в четверг?

— Да.

— Хорошо.

Она положила трубку без раздражения на женщину. Это немного испортило ей настроение. Проще было бы, если бы в городе отвечали грубо.

Эва всё-таки вымыла окно.

Потом вынесла мусор.

Во дворе София Ренн стояла у сушилки для белья и читала письмо, придерживая страницу локтем от ветра.

— Тебе тоже принесли? — спросила Эва.

София посмотрела поверх очков.

— Нет, я нашла его в реке и решила, что это приглашение.

— Очень смешно.

— Ты первая начала вчера говорить, что всем надо сохранять спокойствие.

— Вчера была другая ситуация.

— Вчера мы просто ещё не получили бумагу?

— Именно.

София сложила письмо.

— Я пока ничего не решаю. У меня брат говорит, что за такие деньги можно найти квартиру возле Северного парка.

— Ты хочешь возле Северного парка?

— Нет.

— Тогда при чём тут брат?

— Он хочет возле Северного парка. Видимо, если меня переселят, счастлив будет он.

Эва рассмеялась, хотя не собиралась.

У подъезда стояла Леона Ферр с рулеткой.

Это выглядело настолько подозрительно, что Эва остановилась.

— Что ты измеряешь?

— Лифт.

— У нас нет лифта.

— Поэтому быстро закончила.

Леона сложила рулетку и сунула в сумку.

— Я смотрю объявления. Если город действительно даст рынок плюс десять процентов, я хочу понимать варианты.

— Уже?

— А когда? После того как все сто восемьдесят человек одновременно начнут искать квартиры?

Эва почувствовала знакомое желание сказать что-нибудь про борьбу, но вспомнила Кларино «не начинай».

— И нашла?

— Две. Одна в Кварталах Моста, семь минут от трамвая. Лифт есть. Балкон маленький. Вторая дороже.

— А Вересковая?

Леона посмотрела на неё.

— На Вересковой сейчас продаётся одна квартира. Первый этаж, сорок восемь метров. И, подозреваю, к вечеру уже никто не будет считать её обычным объектом рынка.

— То есть ты готова уйти.

— Я готова знать, что у меня есть выбор.

— А если суд...

— Какой суд, Эва? Мы ещё даже не знаем, будет ли суд.

Это было справедливо и оттого неприятно.

Леона поправила ремень сумки.

— Я приду вечером. Послушаю. Но если юрист скажет, что дело может идти год, я не обещаю тратить год только ради того, чтобы доказать, что я хороший сосед.

— Никто тебя об этом не просит.

— Пока нет.

Леона ушла к остановке.

Эва постояла во дворе ещё несколько секунд.

На детской площадке мальчик лет десяти пытался ногой вернуть на место перекошенную резиновую плитку. Дворник сказал ему перестать, потому что сделает хуже. Мальчик ответил, что хуже она уже лежит.

До вчерашнего дня Эва бы вмешалась и сказала обоим, что плитку давно надо заменить.

Сегодня она подумала, заменит ли её теперь вообще кто-нибудь.

Мысль была мелкой, почти смешной. Именно поэтому она задержалась.

К шести вечера кафе «Липа» пришлось закрыть для обычных посетителей. Мира Коэн повесила на дверь листок «Частная встреча» и тут же получила от одного постоянного клиента вопрос, стал ли кофе государственным секретом.

Стульев не хватало.

Люди принесли складные из кладовой дома номер четыре, потом пятнадцать минут спорили, кому принадлежит один зелёный стул с треснувшей спинкой. Наконец Томас Ивен

заявил, что если город отнимает квартал, то хотя бы стул они могут считать коллективной собственностью.

Никто не понял, шутит он или уже формирует правовую позицию.

Эва села рядом с Кларой. Леона устроилась у окна. Виктор Сол, который жил в одном из частных домов ближе к мосту, стоял у стены со скрещёнными руками и явно пришёл не за тем, чтобы соглашаться со всеми.

Алекс Варн появился ровно в половине седьмого.

Эва ожидала кого-то старше. Не потому, что тридцативосьмилетний мужчина не мог быть юристом, а потому, что люди, которые собираются объяснять тебе, можно ли сохранить дом, должны, по её внутреннему убеждению, иметь хотя бы немного седины.

Он снял куртку, поставил на стол тонкую папку и не стал ждать полной тишины.

— Меня зовут Алекс Варн. Я юрист Центра общественного права. Прежде чем мы начнём: я сегодня никого не представляю.

Несколько человек сразу заговорили.

Алекс поднял ладонь.

— Именно поэтому я это сказал первым. Я могу объяснить процедуру, возможные основания для обращения и то, чего суд в принципе способен сделать. Если после этого часть из вас захочет, чтобы мы рассматривали представительство, нам понадобится отдельное соглашение и проверка конфликтов интересов.

— Мы хотим остановить снос, — сказал Томас Ивен.

— Я понимаю.

— Хорошо. Тогда что делать?

— Сначала не обещать себе то, чего суд не обязан дать.

В комнате стало тише.

Эве это не понравилось.

Значит, подумала она, юрист хороший. Плохой начал бы с того, что все имеют право бороться.

Алекс открыл папку.

— Решение опубликовано вчера. Срок на административное оспаривание — сорок пять календарных дней. Я сегодня направил городу просьбу о сохранении проектных материалов. Это обычная мера. Она не означает, что мы нашли нарушение и не означает, что город что-то скрывает.

— Почему тогда просили сохранять? — спросил кто-то сзади.

— Потому что если дело будет подано, спор должен идти по документам, а не по памяти людей.

Виктор Сол впервые подал голос:

— А можно сразу сказать, что я не хочу никакого суда от моего имени? Защиту надо строить.

Несколько голов повернулись к нему.

Алекс ответил прежде, чем успела Эва.

— Можно. И это полезно сказать сейчас. Если появится группа заявителей, она не должна притворяться, что представляет каждого человека на Вересковой.

Эва посмотрела на Виктора.

Он не отвёл взгляд.

Вот это, решила она, будет проблемой.

Не город. Не только город.

Они сами.

— Суд может выбрать другой маршрут? — спросила Клара.

— Нет, — ответил Алекс.

Клара моргнула.

— Совсем?

— Суд может отменить административное решение, если найдёт юридический дефект, и вернуть вопрос городу. Может временно ограничить необратимые действия, если будут основания. Но судья не возьмёт инженерную карту и не нарисует стену в другом месте.

— Тогда что вообще значит выиграть? — спросила Леона.

На этот раз Алекс не ответил сразу.

— Это один из вопросов, на который вам нужно ответить раньше, чем вы решите идти в суд.

Эва почувствовала раздражение.

— А город на него уже ответил за нас.

Алекс посмотрел на неё.

— Город ответил, какой маршрут он выбрал. Это не совсем то же самое.

— Для моей квартиры разница небольшая.

— Для вашей квартиры — нет.

Он сказал это без мягкости, но и без спора.

Эва достала из сумки конверт и положила перед собой.

Она приехала в кафе с мыслью, что юрист должен объяснить способ отменить письмо.

Вместо этого он объяснял границы.

Сорок пять дней.

Не каждый сосед.

Не любой аргумент.

Не суд, который выбирает стену.

Она должна была почувствовать себя хуже.

Почему-то стало немного легче.

Не потому, что появился выход.

Потому что впервые за два дня кто-то не пытался сделать ситуацию проще, чем она была.

Когда встреча закончилась, люди ещё долго не расходились. Кто-то записывал номер Центра. Кто-то спрашивал о компенсации. Виктор спорил с Томасом у двери, но уже не о проекте, а о том самом зелёном стуле.

Эва вышла последней из своей компании.

Дома она снова положила городской конверт на кухонный стол.

Потом достала пустую картонную папку, написала на ней толстым чёрным маркером: «ВЕРЕСКОВАЯ».

Вложила туда уведомление, документы на квартиру и листок с номером Алекса Варна.

Сам конверт она сначала собиралась выбросить.

Потом расправила его и тоже убрала в папку.

Не потому, что он что-то доказывал.

Просто теперь она не собиралась ничего терять.

Глава 3

10 сентября 2026 года

К шести вечера Юлиан Керр успел трижды передвинуть стойку с картой и один раз пожалеть, что вообще согласился на стойку с картой.

В первый раз она закрывала аварийный выход. Во второй — проектор. В третий выяснилось, что если человек вставал перед ней, чтобы рассмотреть Вересковую набережную, то автоматически оказывался спиной к половине зала и начинал отвечать на вопросы как экскурсовод, которого окружили недовольные туристы.

— Оставьте уже там, — сказала Нина Саар. — Через час всё равно кто-нибудь её уронит.

Юлиан посмотрел на металлические ножки.

— Тогда лучше сразу закрепить.

— Это была шутка.

— Я понял.

— Нет, ты начал искать крепёж глазами.

Он действительно посмотрел на ящик с кабелями у стены, но спорить не стал.

Публичную встречу проводили в зале муниципального центра в десяти минутах ходьбы от Вересковой набережной. Помещение вмещало сто двадцать человек сидя и, по словам администратора, «ещё некоторое количество в пределах разумного». Разумное никто не определил. К началу регистрации в проходах уже стояли дополнительные стулья, у стены разместились две камеры, а за последним рядом кто-то поставил детскую коляску и сразу повесил на ручку табличку «НЕ УБИРАТЬ».

Юлиан приехал за час до начала. Он проверил презентацию, масштаб карт, запасной ноутбук и то, что на слайде с прогнозными уровнями воды единицы измерения были подписаны не только в легенде. После понедельника он больше не доверял легендам.

На первом ряду Марта Рейн раскладывала перед собой тонкую папку. В отличие от инженеров она никогда не приносила на публичные встречи больше бумаги, чем могла удержать одной рукой. Инесса Лор сидела рядом с сотрудниками службы переселения и приклеивала к столу листы: «СОБСТВЕННИКИ», «АРЕНДАТОРЫ», «БИЗНЕС», «ПОМОЩЬ С ПЕРЕЕЗДОМ».

— Это после общей части? — спросил Юлиан.

— Да, — сказала Инесса. — Если мы доживём.

— Мы доживём.

— Это инженерный прогноз?

— Нет. У него недостаточно исходных данных.

Она усмехнулась и продолжила раскладывать ручки.

Юлиан открыл второй слайд. На нём были три оттенка синего: существующая зона возможного затопления, расчётная зона при новом климатическом сценарии и территория, защищаемая Южным контуром. Чем темнее был цвет, тем понятнее становилась необходимость проекта. Именно поэтому он любил этот слайд.

Марта подошла и посмотрела на экран.

— Не начинайте с него.

— Я и не собирался. Первый — схема контура.

— Это почти то же самое.

— Нет. На схеме контура нет уровней воды.

Марта повернула к нему голову.

— Юлиан, в понедельник вы сами сказали, что люди спрашивают не о том, о чём мы думаем.

— Инесса сказала.

— А вы кивнули.

Он помнил.

— Я начну с того, что произойдёт на Вересковой.

— Хорошо.

— Потом объясню почему.

— Ещё лучше.

Юлиан раздражался, когда ему объясняли, как объяснять инженерную работу. Большую часть последних трёх лет он провёл, пытаясь добиться, чтобы люди с разным образованием понимали одно и то же: вода не интересуется политической удобностью решения. Высота отметки остаётся высотой отметки независимо от того, кто голосовал за бюджет.

Но он также понимал, что сегодня никто не пришёл проверять его способность считать расход через насосную станцию.

В половине седьмого Нина вышла к микрофону.

Разговоры стихли не сразу.

— Добрый вечер. Мы понимаем, что многие из вас получили индивидуальные уведомления только на этой неделе. Сегодня мы сначала коротко объясним, что именно утверждено, затем ответим на общие вопросы, после чего сотрудники останутся для индивидуальных консультаций. Сразу скажу: сегодня никто не должен подписывать согласие на выкуп и никто не обязан принимать решение о переезде.

Это уменьшило шум, хотя и не настолько, как Юлиан ожидал.

Нина представила участников. Когда дошла до него, кто-то в третьем ряду сказал достаточно громко:

— Вот инженер, который выбрал наши дома.

Юлиан услышал. Нина тоже. Она не остановилась.

Он вышел к карте.

— Я начну не с паводка, — сказал он. — Сначала с того, что означает выбранный маршрут для Вересковой набережной.

На экране появилась крупная схема района.

Красная полоса проходила вдоль реки и затем загибалась внутрь, там, где планировалась главная насосная станция. На ней были отмечены четыре многоквартирных дома, частные участки, бывший склад, мастерские и сервисная дорога.

— В утверждённый коридор попадает большая часть жилой застройки вдоль этой линии. Это означает, что для строительства городу потребуется приобрести соответствующие объекты. Не завтра. До принудительного отчуждения предусмотрены оценка, предложение о добровольном выкупе и отдельная процедура по каждому объекту. Осмотры для оценки начнутся примерно через две недели. Первые предложения собственникам планируются не раньше конца октября.

Поднялось сразу несколько рук, но мужчина в первом ряду не стал ждать.

— «Потребуется приобрести» — это вы так называете снос?

Юлиан посмотрел на Марту. Та не двинулась.

— Здания, попадающие непосредственно в строительный коридор, после завершения приобретения будут демонтированы, — ответил он.

— Так и говорите.

— Я сейчас так и сказал.

Мужчина откинулся на спинку стула.

Юлиан переключил слайд.

— Теперь почему линия проходит здесь. Существующая система защиты строилась для других расчётных уровней и другой нагрузки на городскую инфраструктуру. Новая модель

показывает, что при редком, но тяжёлом сочетании высокого уровня Сарны и интенсивных осадков нынешняя защита недостаточна. Южный контур должен защищать жилые кварталы, больничный комплекс, транспортный узел, подстанцию и другие объекты в низкой части города.

На слайде появилась зона риска.

— Речь не о прогнозе конкретного наводнения в конкретном году. Никто не может сказать: «в следующем апреле вода будет здесь». Речь о вероятности на срок службы инфраструктуры. Если мы ждём события, которое докажет необходимость защиты, мы начинаем строить слишком поздно.

Женщина у прохода подняла руку.

— А когда было последнее настоящее наводнение?

Юлиан назвал несколько высоких водных сезонов и пояснил, что ни один из них не достиг нового расчётного сценария.

— То есть такого наводнения вообще не было? — уточнила она.

— Именно такого сочетания условий за период наблюдений — нет.

По залу прошёл гул.

— Тогда почему мы должны лишиться домов из-за того, чего не было?

Вот этот вопрос он знал. Его задавали на каждом инфраструктурном проекте, который должен был предотвратить событие, а не исправить последствия.

— Потому что отсутствие события в прошлом не делает будущую вероятность нулевой. Мы проектируем не по принципу «что уже случилось», а по тому, какую нагрузку система должна выдерживать в течение десятилетий.

— Значит, может и не случиться?

— Может.

Некоторые люди заговорили одновременно.

Юлиан не добавил ничего. Самым нечестным было бы притвориться, что инженер способен заменить вероятность обещанием.

Нина попросила задавать вопросы по одному.

Получилось ненадолго.

— Сколько дадут за квартиру?

— Кто оплачивает нотариуса?

— У меня две собаки, служба переселения ищет жильё с животными или просто жильё?

— А если ребёнок останется зарегистрирован в старой школе?

— Кто будет оплачивать хранение мебели между продажей и въездом?

— Стройка начнётся сразу после выкупа первого дома или когда вы купите все?

— Где будут парковаться грузовики?

— Сколько месяцев будет пыль?

Юлиан стоял у карты, пока ответы переходили от Марты к Инессе, от Инессы к представителю оценщиков и обратно.

На вопрос о собаках Инесса сказала, что при подборе жилья ограничения по животным будут отмечаться как обязательное условие, если человек воспользуется сопровождением.

На вопрос о школе Нина признала, что у них нет готового ответа и его нужно согласовать с департаментом образования.

— То есть вы решили снести дома раньше, чем выяснили, куда пойдут дети? — спросил мужчина сзади.

— Мы не выбираем конкретную квартиру и конкретную школу за каждую семью на стадии выбора маршрута, — ответила Марта. — Но вопрос переходного периода справедливый. Мы дадим письменный ответ после консультации с департаментом образования.

— В четверг следующего года?

Кто-то рассмеялся.

Марта тоже слегка улыбнулась.

— Если в четверг следующего года, можете отдельно оспорить скорость нашей переписки.

Смех стал заметнее и почти сразу исчез.

Юлиан посмотрел на слайд с расчётным уровнем воды, который всё ещё ждал своей очереди.

Пятнадцать минут назад ему казалось важным объяснить разницу между существующей высотой стены и требуемой отметкой. Теперь зал спорил о собаке, школьной регистрации и хранении шкафа.

Ни один из этих вопросов не менял отметку стены.

Но каждый менял то, что означал проект для человека, задававшего вопрос.

Он не был уверен, почему раньше считал это просто вопросом коммуникации.

Нина дала ему слово снова, когда мужчина с седыми волосами спросил:

— Почему нельзя провести линию восточнее? На ваших же старых материалах такой вариант есть.

Юлиан нашёл нужную схему.

— Рассматривалось несколько маршрутов. Восточный обход технически возможен. Он сохраняет большую часть жилых зданий здесь, но требует переноса участка дороги, перекладки двух магистральных сетей и двух временных схем водоотведения на период строительства. По актуальной оценке он примерно на тридцать восемь процентов дороже выбранного маршрута и хуже по срокам и строительному риску.

— То есть всё-таки из-за денег, — сказала женщина у окна.

— Нет. Стоимость — один из факторов.

— Но дешевле?

— Да.

— На сколько домов хватает этих тридцати восьми процентов?

Вопрос был поставлен так, будто существовал расчёт «евро за сохранённый дом».

Юлиан почувствовал знакомое раздражение и не позволил ему попасть в голос.

— Такой показатель не использовался. Сравнивались стоимость, надёжность, сроки, эксплуатация, сети, транспортные последствия и воздействие на территории.

— «Воздействие на территории» — это мы?

На этот раз он сделал паузу.

— В том числе.

— А сколько весим мы в вашей таблице?

Юлиан посмотрел на таблицу на экране. Там действительно были строки. Деньги имели евро. Сроки — месяцы. Технический риск — категории. Переселение — число объектов и людей.

— Это не сведено к одной цифре, — сказал он.

— Удобно.

Кто-то одобрительно пробормотал.

Юлиан мог объяснить, почему сведение таких факторов к одному индексу часто создаёт ложную точность. Мог рассказать о многокритериальном сравнении. Мог показать приложение, где каждое последствие описывалось отдельно.

Он не стал.

— Да, это неудобно, — сказал он. — Потому что эти вещи действительно нельзя честно превратить в одну единицу измерения.

В зале стало тише на несколько секунд.

У стены стоял Алекс Варн. Юлиан узнал его только потому, что Марта перед началом негромко назвала имя. Варн не выходил к микрофону и не представлялся юристом жителей. Он просто записывал что-то в блокнот.

Юлиану это не понравилось больше, чем если бы тот задавал вопросы.

Следующим поднялся молодой мужчина в рабочей толстовке. На груди была маленькая нашивка «Дари».

— У меня мастерская в доме семнадцать, помещение три. Я арендатор. Собственнику вы платите за здание. Мне — перевозку оборудования. Правильно?

Инесса взяла микрофон.

— По действующей программе арендатор бизнеса может заявить подтверждённые расходы на перевозку оборудования и определённые прямые убытки, связанные с досрочным прекращением аренды. Конкретный расчёт зависит от договора.

— А новая аренда?

— Разницу между старой и будущей арендой действующая схема автоматически не компенсирует.

— Тогда я спрошу проще. Если я перееду отсюда туда, где аренда в полтора раза выше, вы считаете, что мой бизнес переехал или закрылся?

Инесса не стала отвечать быстро.

— Я считаю, что это реальный вопрос, который нам нужно рассматривать отдельно от стоимости здания.

— Но сейчас ответа нет.

— Сейчас готовой отдельной выплаты для разницы аренды нет.

Малик кивнул и сел.

Он не выглядел довольным. Но и возмущённым не выглядел. Юлиан почему-то запомнил именно это.

После этого вопросы стали ещё конкретнее.

Кто-то хотел знать, можно ли снять старые двери до передачи квартиры. Юлиан подумал, что этот человек, вероятно, уже звонил Инессе.

Женщина из дома номер двенадцать спросила, должен ли город оплачивать новую встроенную кухню, если старая кухня не подойдёт по размерам к другой квартире.

Пожилой мужчина потребовал гарантии, что после начала строительства грузовики не перекроют автобусную остановку.

Леона Ферр — имя Юлиан услышал, когда Нина дала ей микрофон, — спросила совсем иначе:

— Если я соглашусь на добровольный выкуп, не дожидаясь возможного суда соседей, сделка останется действительной, даже если решение потом отменят?

В зале сразу стало шумно.

Марта ответила:

— Добровольный договор не прекращается автоматически из-за последующей отмены административного решения, если сам договор не предусматривает иного и нет отдельного основания для его оспаривания.

— То есть можно продать и уйти раньше?

— Да.

— Спасибо.

Эва Мирен, сидевшая через два ряда, повернулась к Леоне. Юлиан не слышал, что она сказала. По выражению Леоны было видно, что благодарностью это не было.

У противоположной стены поднялся Виктор Сол.

— У меня вопрос инженеру. Если мы сейчас всё остановим на год, это означает, что старая система перестаёт работать?

— Нет, — ответил Юлиан. — Существующая защита продолжит работать в пределах своих возможностей.

— Тогда что меняется от года?

— В основном срок, когда новая защита будет готова, и стоимость проекта. Часть проектных и закупочных решений тоже придётся пересматривать в зависимости от длительности задержки. Но я не буду говорить, что один год автоматически означает катастрофу. Это было бы неправдой.

Виктор кивнул.

— Вот. Спасибо.

Кто-то позади него сказал:

— Конечно, тебе легко, у тебя дом почти у моста.

Виктор обернулся.

— Мой дом тоже в коридоре.

На несколько секунд спор переместился от города к соседям.

Нина снова вмешалась.

Юлиан стоял у экрана и впервые за вечер ясно увидел то, чего не показывала ни одна проектная карта: линия разделяла не только город и район. Она проходила внутри самого района, только не по земле.

К восьми общая часть закончилась.

Никто не выглядел так, будто встреча что-то решила.

Люди выстроились к четырём столам. У «СОБСТВЕННИКОВ» очередь была длиннее всего. К столу «БИЗНЕС» подошли шестеро. У карты остались человек пятнадцать, и Юлиан ещё сорок минут объяснял, где будет сервисный проезд, почему насосную станцию нельзя без последствий сдвинуть ближе к мосту и что означает пунктирная линия вдоль коллектора.

Один мужчина спросил его три раза, не станет ли новая стена ухудшать вид на реку в сохранённой части улицы.

— В некоторых местах станет, — наконец сказал Юлиан.

— Вот. Почему это нигде крупно не написано?

Юлиан посмотрел на него.

— Потому что до сегодняшнего дня я не думал, что это будет вашим третьим вопросом. Мужчина секунду молчал, потом неожиданно рассмеялся.

— А каким должен был быть?

— Про насосы.

— Я ничего не понимаю в насосах.

— Я начинаю замечать.

Когда зал почти опустел, Нина подошла к Юлиану с пачкой карточек, на которых сотрудники записывали вопросы без готового ответа.

— Двадцать семь, — сказала она.

— Неплохо.

— Это не оценка качества.

— Я понимаю.

— К понедельнику нужен отдельный лист по последовательности работ на Вересковой. Не общий график проекта. По улице: когда обследования, когда возможны первые сделки, что может происходить до освобождения домов, когда начинается демонтаж, что будет с доступом, автобусом, парковкой.

— Часть зависит от приобретения объектов.

— Так и напиши: зависит.

— Часть пока невозможно датировать.

— Так и напиши: невозможно датировать.

Юлиан посмотрел на карточки.

— Это не инженерный график.

Марта, собиравшая папку рядом, сказала:

— Нет. Это график того, как инженерный проект происходит с улицей.

Юлиан хотел возразить на формулировку. Потом решил, что она достаточно точная.

— Хорошо.

Он выключил проектор.

На белом экране исчезли тёмно-синие зоны риска, красная линия и цифры стоимости. Остался просто прямоугольник света, а затем и он погас.

По дороге к выходу Юлиан прошёл мимо стола, где кто-то оставил листок с вопросами. На верхнем было написано крупно, неровным почерком:

«КУДА КОНКРЕТНО ПОЕДУ Я?»

Ниже сотрудник службы переселения приписал: «Индивидуальный подбор после оценки; сейчас конкретного адреса нет».

Ответ был правильный.

Юлиан уже начинал понимать, почему правильного ответа иногда недостаточно.

На улице было прохладно. От муниципального центра он пошёл не к парковке, а к реке. До Вересковой было несколько кварталов.

Сарна лежала спокойно, почти чёрная под вечерним небом. У гидрометрического поста светилась зелёная цифра текущего уровня — ничего необычного. Через реку были видны освещённые окна больницы, чуть дальше — крыша транспортного узла.

Телефон завибрировал.

Сообщение от начальника геотехнической группы: «Подтверди бурение на участке 4 во вторник. Доступ согласован».

Юлиан ответил: «Подтверждаю».

Проект не остановился из-за встречи. Расчёты не изменились. Грунт под Вересковой не стал хуже или лучше от того, что сотня людей два часа задавала вопросы.

Во вторник буровая установка должна была выйти на участок четыре.

К понедельнику Юлиану предстояло ещё составить график того, как проект происходит с улицей.

Он убрал телефон и посмотрел на противоположный берег.

Вода была низкой.

Именно в такие вечера защитная стена казалась менее всего необходимой.

Глава 4

11 сентября 2026 года

В пятницу утром Малик Дари обнаружил, что городская программа защиты от паводков хуже всего сочетается с проколотыми шинами.

К девяти у двери мастерской стояли четыре велосипеда. Один принадлежал курьеру, которому нужно было вернуть заднее колесо до обеда. У второго заклинило мотор-колесо. Третий был детским и приехал вместе с отцом, который пять минут объяснял, что «оно просто начало странно звучать», будто от этой точности ремонт становился дешевле. Четвёртый Малик купил сам за двадцать евро на запчасти и уже три месяца собирался разобрать.

На верстаке лежала распечатанная памятка для арендаторов из городского письма.

Вчера после встречи он сунул её под коробку с тормозными колодками. Утром достал обратно, потому что коробку пришлось открыть.

Малик не любил бумаги, лежащие рядом с работой. На бумаге быстро появлялись отпечатки пальцев, смазка и мелкая металлическая пыль, после чего любой документ начинал выглядеть так, будто его уже использовали как доказательство чего-то неприятного.

На второй странице было подчеркнуто шариковой ручкой:

«Документально подтверждённые расходы на перемещение оборудования».

Ниже — «прямые убытки, вызванные досрочным прекращением договора аренды, в пределах, предусмотренных программой».

Ещё ниже Малик сам написал: «НОВАЯ АРЕНДА?»

Инесса Лор вчера ответила на этот вопрос достаточно ясно. Автоматической компенсации разницы не было.

Он отложил бумагу, зажал колесо в стойке и снял кассету.

Через десять минут вошёл первый клиент.

— Так вы закрываетесь? — спросил мужчина вместо приветствия.

Малик даже не поднял головы.

— Доброе утро, Павел.

— Доброе. Закрываетесь?

— Сегодня в семь.

— Я серьёзно.

— Я тоже. После семи уже не принимаю.

Павел работал в аптечной сети и приезжал сюда из другого района, потому что три года назад Малик однажды бесплатно выправил ему погнутый тормозной диск. С тех пор Павел считал эту услугу основанием для пожизненного знакомства.

— В новостях сказали, всё снесут.

— В новостях сказали, город выбрал маршрут.

— Разница?

Малик наконец посмотрел на него.

— Для сегодняшнего ремонта — большая. Велосипед давай.

Павел поставил его у стены.

— А если переедешь?

— Напишу адрес.

— Куда?

— Если бы я знал, я бы уже написал.

Павел кивнул так, будто получил подтверждение чего-то важного.

— Вот. Значит, всё-таки закрываетесь.

— Павел.

— Молчу.

Он не молчал ещё минуту, но потом всё же ушёл.

Малик посмотрел на мастерскую.

Восемьдесят пять квадратных метров. Не красивых. Стена у задней двери была сырая почти каждую весну. Зимой из-под ворот тянуло так, что он держал рядом старое свёрнутое одеяло и запихивал его в щель. Проводку три года назад пришлось частично менять за свой счёт, потому что два зарядных стенда и компрессор выбивали автомат.

Зато помещение стоило семьсот восемьдесят евро в месяц.

Семьсот восемьдесят.

Не тысячу двести. Не тысячу пятьсот. Не «от тысяча четыреста плюс эксплуатационные расходы», как было написано в объявлении, которое он открыл сегодня в семь утра.

У Вересковой был один экономический талант: она позволяла некоторым вещам существовать дешевле, чем им полагалось по карте города.

Мастерским. Старым квартирам. Кафе. Людям, которым не нужен был новый фасад и стойка ресепшена, чтобы считать помещение пригодным.

В десять двенадцать позвонила Ренна Мосс из компании-собственника.

Малик увидел имя на экране и сначала дал телефону прозвонить три раза. Не из стратегии. Просто руки были в смазке.

— Да.

— Господин Дари? Доброе утро. Ренна Мосс, «Тарн Управление».

— Знаю.

— Удобно говорить?

Малик посмотрел на клиента, который сидел у окна и листал телефон, ожидая диагностику батареи.

— Настолько, насколько вообще удобно говорить об этом на работе.

Ренна не стала изображать, что не поняла.

— Мы получили городское уведомление по зданию. Оценщики хотят провести первичный осмотр через две недели. Мне нужно согласовать доступ в ваше помещение.

— Хорошо. Пусть дадут время заранее.

— Конечно.

Пауза длилась ровно столько, чтобы Малик понял: это была не единственная причина звонка.

— Что ещё?

— Я хочу честно обозначить нашу позицию. Пока у нас нет предложения города и никакого договора мы не подписывали. Но если оценка будет разумной, компания, скорее всего, рассмотрит добровольную продажу.

Малик взял тряпку и вытер пальцы.

— «Рассмотрит» или продаст?

— Я не могу обещать решение совета до цифр.

— А я могу рассчитывать на продление аренды?

Снова пауза.

Текущий договор заканчивался тридцать первого марта. Малик помнил дату не хуже собственного дня рождения, потому что каждую осень начинались обычные переговоры о следующем годе: собственник предлагал повышение, Малик объяснял, почему крыша всё ещё течёт у заднего водостока, и в итоге они сходились где-то посередине.

— Сейчас мы не можем обещать продление после марта, — сказала Ренна.

— Даже если город ещё ничего не купит?

— До прояснения проекта мы не хотим брать на себя долгосрочное обязательство, которое потом не сможем выполнить.

Это было разумно.

В последнее время разумные ответы раздражали Малика больше грубых.

— А если я найду другое место раньше?

— В договоре у вас три месяца уведомления при досрочном выходе.

— Я знаю, что у меня в договоре.

— Малик, я не пытаюсь усложнить вам ситуацию.

— Вы и не обязаны. Для этого есть город.

Ренна выдохнула, но не обиделась.

— Если вы найдёте помещение и захотите уйти раньше, позвоните. Думаю, мы сможем договориться без штрафа. Нам тоже нет смысла удерживать арендатора в здании, которое может перейти городу.

Это было уже полезно.

Малик записал на краю памятки: «3 мес. — возможно без штрафа».

— Хорошо.

— И ещё. Оборудование, которое закреплено к стенам или полу, пожалуйста, обозначьте оценщику отдельно. Нам нужно понимать, что относится к зданию, а что ваше.

Малик посмотрел на подъёмник, который сам прикрутил анкерами к бетону.

— Он мой.

— Поэтому и говорю.

После звонка клиент у окна спросил:

— Плохие новости?

— Обычные.

— Это какие?

— Которые пока ничего не меняют, кроме всех планов.

Клиент улыбнулся.

— Батарея?

— Батарея плохая. Вот это уже точный диагноз.

Работа помогала тем, что почти каждая проблема в ней имела предел. Трещина либо была, либо нет. Контроллер выдавал код. Подшипник шумел. Кабель прозванивался. Даже когда ремонт оказывался невыгодным, это можно было объяснить цифрами.

К полудню Малик выписал счёт, заказал две камеры, отказался от ремонта дешёвого электросамоката, который стоил меньше новой батареи, и ещё три раза ответил на вопрос, закрывается ли мастерская.

В час двадцать он запер дверь на табличку «ВЕРНУСЬ ЧЕРЕЗ 40 МИНУТ», хотя заранее знал, что сорока не хватит.

Первое помещение было в Северных мастерских.

Он доехал туда на своём старом городском велосипеде за двенадцать минут. Сам район ему нравился. Кирпичные корпуса старых фабрик постепенно делили на маленькие производства, студии, склады и офисы. Там работали сварщики, дизайнеры мебели, типография, пекарня и компания, которая собирала дорогие лампы из труб, выглядевших как детали отопления.

Помещение из объявления находилось на первом этаже бывшего инструментального завода.

Агент опоздал на семь минут и пришёл с ключами на красном карабине.

— Восемьдесят два метра, — сказал он, открывая дверь. — Отдельный вход, санузел, трёхфазная линия, ворота со двора.

Внутри было светло.

Слишком светло, подумал Малик с неожиданной неприязнью.

Белые стены. Ровный пол. Новые окна. Никакой сырости.

— Сколько окончательно?

— Тысяча пятьсот двадцать плюс сто десять эксплуатационных.

Малик посмотрел на него.

— В объявлении было тысяча четыреста.

— «От тысяча четыреста».

— Очень содержательное слово «от».

— Зависит от типа использования. Для мастерской ставка выше из-за нагрузки и доступа во двор.

— Залог?

— Три месяца.

— Льготный период на въезд?

— Две недели без аренды, если договор минимум на три года.

Малик прошёл к задним воротам. Во двор действительно можно было завезти грузовой велосипед. Электрика была лучше, чем у него. До трамвая пять минут.

Но мимо двери никто не проезжал случайно.

На Вересковой половина мелких заказов приходила именно так. Человек ехал вдоль реки, слышал странный звук, видел вывеску, останавливался. Курьеры знали, что можно забежать между доставками. Жители оставляли велосипед утром и забирали вечером пешком.

Здесь клиент должен был ехать сюда специально.

— Велосипедный поток какой? — спросил Малик.

Агент пожал плечами.

— Район развивается.

— Это не поток.

— Через год будет новый веломаршрут по северной улице.

— Через год — тоже не поток.

Агент улыбнулся профессионально.

— Зато помещение лучше вашего нынешнего.

Малик не спрашивал, откуда он знает нынешнее. Адрес был в заявке.

— Лучше.

Он ещё раз посмотрел вокруг.

Это и было неприятно. Новое помещение действительно было лучше.

Просто мастерская Малика в нём становилась хуже как бизнес.

— Я подумаю.

— Спрос высокий. Долго держать не смогу.

— Я не просил держать.

На улице Малик достал телефон и открыл калькулятор.

Семьсот восемьдесят сейчас.

Тысяча шестьсот тридцать с эксплуатационными там.

Плюс залог четыре тысячи пятьсот шестьдесят.

Плюс перевозка станков, вывеска, новая сигнализация, подключение терминала, хотя терминал можно было перенести почти бесплатно. Минус, возможно, городские расходы на перемещение оборудования. Сколько именно — неизвестно.

Он открыл таблицу месячных расходов, которую вёл с первого года работы.

Чтобы покрыть только разницу аренды, нужно было примерно двадцать два дополнительных средних ремонта в месяц. Или повысить цены. Или работать одному дольше и не брать помощника на сезон. Или надеяться, что новая улица действительно даст поток.

Ни один вариант не был невозможным.

Ни один не выглядел как «перевезти оборудование».

Малик позвонил по второму объявлению.

— Помещение на улице Ройса ещё свободно?

— Да, — ответила женщина. — Какой вид деятельности?

— Ремонт велосипедов и электровелосипедов.

— Шумное производство?

— Если очень не повезёт клиенту.

Она не засмеялась.

— Зарядка аккумуляторов?

— Да, в специальных шкафах.

— Тогда собственник, скорее всего, попросит повышенный депозит. И там нет заднего доступа, только через общий коридор.

— Спасибо.

Он не поехал смотреть.

На обратном пути Малик свернул к реке.

Было чуть больше двух. Вересковая выглядела так же, как утром. Клара выставила у магазина ящики с яблоками. У «Липы» двое мужчин пили кофе за уличным столиком. Перед парикмахерской стоял велосипед с детским креслом. Никаких пустых окон. Никаких коробок на тротуаре. Никаких рабочих ограждений.

Если не знать о красной линии на городской карте, район выглядел абсолютно непохожим на территорию, которая должна исчезнуть.

Он остановился у «Липы» за сэндвичем. Мира Коэн сама стояла за стойкой и одновременно спорила по телефону с поставщиком напитков.

— Нет, я не подтверждаю заказ на шесть месяцев, — сказала она. — Потому что я не знаю, буду ли здесь через шесть месяцев. Нет, это не значит, что мы закрываемся завтра. Это значит ровно то, что я сказала.

Она отключилась и положила телефон экраном вниз.

— Если ещё один человек спросит, работаем ли мы, я начну брать плату за ответ.

— Хорошая модель. У меня сегодня уже трое.

— Ты хоть можешь брать деньги за ремонт после вопроса. Мне после вопроса ещё приходится продавать кофе.

Малик взял сэндвич из витрины.

— Ты что будешь делать?

— Сегодня? Закажу молоко на неделю.

— Я серьёзно.

— Я тоже. На год вперёд я ничего не знаю. На неделю знаю.

Мира открыла кассу.

— У меня аренда заканчивается в июне. Если собственник продаст раньше, по договору должны дать четыре месяца. Я проверила ночью. Очень здоровый способ провести время после публичной встречи.

— У меня март.

— Значит, ты победил.

— В чём?

— Пока не решила.

Она отдала ему сдачу и вдруг спросила:

— Ты будешь судиться?

Малик пожал плечами.

— С чем? Мне город пока не выставил счёт и не сделал предложение. Я хочу сначала понять, что именно у меня отнимают по документам, а что просто перестаёт работать само.

Мира кивнула.

— Я вчера слушала всех и поняла, что у собственников хотя бы есть предмет разговора. Квартира стоит столько-то, город предлагает столько-то, можно спорить. А у меня кофе сегодня стоит два восемьдесят. Если через полгода здесь не будет людей, я кому должна принести оценку этого факта?

— В отдел компенсаций за недопитый кофе.

— Здание администрации, окно семь. Работает по вторникам с десяти до десяти пятнадцати.

Малик улыбнулся.

У двери вошла женщина с коляской, и Мира сразу повернулась к кофемашине.

Обычный рабочий день снова закрыл разговор раньше, чем им пришлось решить что-нибудь большое.

Малик открыл мастерскую и обнаружил у двери Эву Мирен.

— У тебя написано сорок минут.

Он посмотрел на часы.

— Прошло пятьдесят три.

— Я знаю.

— Тогда зачем сообщаем?

— Чтобы ты знал, что люди читают объявления на двери.

В руках у неё был старый складной велосипед.

— Что случилось?

— Цепь перескакивает.

Малик поставил велосипед на стойку.

— Оставишь?

— Мне сегодня нужен.

— Тогда десять минут.

Эва оглядела мастерскую.

— Смотрел помещения?

Он поднял брови.

— Почему ты решила?

— Леона сказала, что видела тебя у Северных мастерских.

— У Леоны теперь служба наружного наблюдения?

— Леона смотрит квартиры. Видимо, заодно контролирует всех остальных.

Малик прокрутил педаль.

— Переключатель сбит.

— Помещение хорошее?

— Хорошее.

— Значит, переедешь?

Он услышал в вопросе то, чего Эва, возможно, сама не собиралась туда класть.

— Если будет нужно и если смогу себе позволить.

— А если мы пойдём в суд?

— Тогда вы пойдёте в суд.

Эва нахмурилась.

— Ты вчера тоже был на встрече.

— Был.

— Алекс сказал, что арендаторы тоже могут быть затронуты напрямую.

— Я затронут напрямую, даже если Алекс этого не скажет.

Он повернул регулировочный винт.

— Я не могу держать мастерскую пустой полгода, чтобы доказать, что я принципиальный.

— Никто не просит держать пустой.

— Собственник может продать городу. Моя аренда до марта. Продлевать сейчас не обещают.

Эва замолчала.

Малик пожалел, что сказал это так резко. Она пришла с велосипедом, а не с требованием присягнуть району.

— Я не говорю, что надо всем уезжать, — добавил он. — Я говорю, что у меня часы идут немного иначе.

Эва посмотрела на заднюю стену, где висели колёса.

— У всех, наверное, иначе.

— Наверное.

Он проверил переключение ещё раз.

— Готово.

— Сколько?

— Десять.

— В прошлый раз было восемь.

— Инфляция и общественный интерес.

Эва фыркнула.

— Вор.

— Можешь оспорить в административном суде.

Она впервые за всё время засмеялась по-настоящему.

Потом заплатила десять евро.

Перед уходом остановилась у двери.

— Если найдёшь место, скажешь?

— Скажу.

— Не потому что я буду считать, что ты нас бросил.

Малик посмотрел на неё.

— Хорошо.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Когда она ушла, он открыл городскую памятку ещё раз.

Внизу был адрес электронной почты службы переселения.

Малик сел за маленький стол возле кассы и написал:

«После публичной встречи прошу уточнить, предусматривает ли программа какую-либо форму поддержки коммерческого арендатора, если перенос оборудования компенсируется, но сопоставимое помещение имеет существенно более высокую рыночную аренду. Также прошу сообщить, учитывается ли потеря клиентского потока и периода работы по новому адресу».

Он перечитал.

Слово «потеря» ему не понравилось. Пока ничего не было потеряно.

Он заменил его на «изменение».

Потом вернул обратно.

Если клиент переставал приезжать, это была потеря, а не изменение.

Он отправил письмо.

После этого открыл сайт объявлений и поставил три фильтра:

первый этаж;

от семидесяти квадратных метров;

до тысячи двухсот евро.

Система показала два результата.

Первый находился в двадцати восьми минутах от Вересковой и не имел отопления.

Второй оказался складом без окон.

Малик добавил верхний предел тысяча четыреста.

Результатов стало семь.

Он смотрел на экран секунд десять, потом закрыл вкладку и вернулся к велосипедам.

К семи вечера мастерская снова выглядела как мастерская: три готовых заказа у стены, коробки на полу, запах резины, радио, которое ловило одну станцию лучше всех остальных, и клиент, опоздавший за своим велосипедом на двадцать минут.

Ничего ещё не закрылось.

Никто ещё не велел Малику уходить.

Город ещё не назвал собственнику цену здания. Компания ещё ничего не продала. Судебного дела ещё не было.

И всё же утром у него было помещение за семьсот восемьдесят евро, которое он считал своим рабочим местом на неопределённое будущее.

К вечеру это было помещение за семьсот восемьдесят евро с датой окончания договора — тридцать первое марта.

Перед тем как выключить свет, Малик снова открыл первое объявление.

Восьмьдесят два квадратных метра. Трёхфазное питание. Отдельный вход.

1 520 евро в месяц.

Он сохранил его в избранное.

Глава 5

14 сентября 2026 года

К девяти утра в почте Алекса Варна было тридцать одно письмо с темой «Вересковая», и только шесть из них хотели от него примерно одного и того же.

Остальные хотели разного.

Остановить проект. Проверить компенсацию. Получить другую квартиру. Добиться, чтобы город оплатил аренду бизнеса. Узнать, можно ли продать квартиру сейчас и всё равно участвовать в деле. Узнать, можно ли участвовать в деле и не появляться в газетах. Узнать, почему сосед уже разговаривает с оценщиком, если «суд ещё ничего не решил». Узнать, имеет ли право город проводить бурение во вторник.

Последнее письмо пришло в 7:43 и состояло из одной строки:

«Если они уже бурят, значит, судиться поздно?»

Алекс ответил:

«Нет. Геотехнические работы сами по себе не означают отчуждение или снос. Позвоню после десяти».

Потом добавил письмо в отдельную папку и открыл таблицу, которую составил в воскресенье вечером.

В первой колонке были имена.

Во второй — отношение человека к недвижимости: собственник, наниматель, коммерческий арендатор.

В третьей — что он хочет получить.

Именно третья колонка уже выглядела хуже юридической задачи.

У Эвы Мирен стояло: «сохранить дом / пересмотреть маршрут».

У Томаса Ивена: «остановить проект через Вересковую».

У Клары Вент: «дом + магазин; пока не определилась».

У Ханы Вейс, с которой Алекс говорил только по телефону: «честная оценка; суд — если нужен».

У Леоны Ферр было написано: «скорее не клиент; хочет цену и возможность уехать».

У Виктора Сола: «НЕ ПРЕДСТАВЛЯТЬ. Поддерживает проект».

Последнее Алекс набрал заглавными буквами после того, как Виктор дважды попросил убедиться, что его имя не появится ни в одном коллективном письме.

Ниже находились ещё семнадцать строк разной степени определённости.

Алекс сделал глоток кофе и поморщился. В Центре общественного права была хорошая библиотека, терпеливый секретарь и кофемашина, которую никто не решался заменить, потому что она всё ещё формально работала.

— Ты снова пьёшь это добровольно?

Лина Мор остановилась у двери его кабинета с собственной кружкой.

Она руководила Центром шесть лет и считала, что слова «общественное право» не освобождают организацию от необходимости платить аренду и вести табель рабочего времени. Алекс ценил это больше, чем говорил вслух.

— Мне нужно доказательство плохого административного решения, — сказал он. — Начал с кофе.

— Кофе у нас выдержит судебную проверку. Мы предупредили о риске заранее.

Она вошла и посмотрела на таблицу.

— Сколько?

— Пока двадцать три человека, которые так или иначе связались. Из них далеко не все хотят быть заявителями.

— Хорошо.

— Обычно люди расстраиваются, когда слышат «далеко не все».

— Обычно у людей нет двадцати трёх одинаковых интересов только потому, что почтовый индекс совпадает.

Лина поставила кружку на край стола.

— Что у тебя есть по праву?

Алекс развернул к себе папку.

Публичный комплект города был аккуратным. Слишком аккуратным для человека, который надеялся быстро найти очевидную ошибку.

Окончательное решение комиссии по инфраструктуре. Краткое обоснование. Сравнительная таблица маршрутов. Карты. Сводка предыдущих консультаций. Общая записка о компенсационной программе. Гидрологическое резюме, написанное для людей, которые не хотели знать, как моделируется обратный подпор.

Никакой страницы с заголовком «Вот здесь администрация нарушила закон» не было.

— Полномочия у них есть, — сказал Алекс. — Общественная цель очевидна. Необходимость новой защиты я бы не оспаривал без совершенно другой технической базы, которой у нас нет и, судя по опубликованному, не будет.

— Хорошо.

— Альтернативы они рассматривали. По крайней мере на уровне, который виден публично. Восточный обход не фикция. Он действительно дороже, требует переноса дороги и сложнее по инженерии.

— Ещё лучше.

Алекс посмотрел на неё.

— Ты сегодня решила поддерживать ответчика?

— Я поддерживаю дела, которые переживают первое неприятное чтение.

Он откинулся на спинку кресла.

— Есть вопрос о процедуре выбора. Не вывод. Вопрос. Когда они фактически закрепили предпочтительный маршрут и что после этого ещё могло измениться. И как именно сравнивались последствия для района, а не только стоимость приобретения объектов.

Лина подняла бровь.

— У тебя есть основание говорить, что последствия не сравнивали?

— Нет.

— Что выбор был предрешён до консультаций?

— Нет.

— Тогда не говори.

— Я и не говорю.

— На встрече с клиентами тоже?

— Особенно там.

Она улыбнулась краем рта.

— Тогда, возможно, у нас действительно появится дело.

На столе зазвонил телефон.

Алекс увидел номер Эвы и не взял трубку.

— В одиннадцать у меня первичные консультации, — сказал он. — Я хочу сначала понять, можем ли мы вообще сформировать группу с одной целью.

— Какой?

— Если будут основания — отмена решения о маршруте и возврат администрации на новое рассмотрение. Не судебный выбор другого маршрута. Не гарантия, что Вересковская останется. Не спор о каждой будущей оценке квартиры в этом же производстве.

— Им понравится.

— Поэтому встреча назначена до обеда. Чтобы у всех оставался день испортить кому-нибудь ещё.

Лина взяла со стола его список.

— А временные меры?

— Пока просить нечего. Индивидуальных актов отчуждения нет. Сноса нет. Осмотры и бурение обратимы. Если город начнёт действия, которые создают необратимый эффект до рассмотрения, вернёмся к вопросу.

— Срок?

— Сорок пять дней с седьмого сентября. Последний день — двадцать второе октября.

— Не тяни до двадцать первого.

— Спасибо. Я планировал двадцать второе в пять вечера.

— Именно поэтому я здесь директор.

Она вернула лист.

— Проверь конфликты. И отделяй тех, кому нужен административный иск, от тех, кому нужен совет по компенсации. Мы можем делать оба, но это не одна стратегия.

После её ухода Алекс посмотрел на пропущенный звонок Эвы.

Потом перезвонил.

— Алекс?

— Да.

— Они завтра будут бурить.

— Будут.

— И?

— И это пока не меняет то, о чём мы говорили.

— Откуда вы знаете?

— Из публичного графика инженерных работ. Бурение не передаёт городу право собственности на ваш дом и не означает начало сноса.

— А если они найдут там то, что им нужно?

— Геологи обычно именно за этим и бурят.

Молчание.

— Это была шутка? — спросила Эва.

— Слабая.

— Очень.

— Эва, если вопрос в том, надо ли из-за бурения сегодня подавать иск, — нет. Нам сначала нужно понять основание. Срок не истекает завтра.

— Они всё делают, а мы всё понимаем.

— Да. Административный процесс часто выглядит именно так.

— Ужасная реклама вашей профессии.

— Я не занимаюсь рекламой.

Она вздохнула.

— Я приду в одиннадцать.

— Возьмите уведомление и документы на квартиру.

— Они уже в папке.

— Хорошо.

— И конверт.

Алекс на секунду замолчал.

— Конверт тоже можно.

— Я знала.

Когда в одиннадцать открылась дверь переговорной, Алекс понял, что просил пригласить слишком многих.

Пришли девять человек.

Эва, Томас, Клара, Хана Вейс, Руди Белл и ещё четверо собственников, с которыми он до этого говорил только по телефону. Десятый стул занимала сумка Эвы. После короткого спора сумка проиграла и отправилась на подоконник.

Алекс раздал листы первичной анкеты.

— Сегодня мы не принимаем решение за весь район, — сказал он. — И Центр пока не подписывает соглашение со всеми, кто находится в комнате. Нам нужно проверить, совпадают ли ваши цели и нет ли между вами конфликта интересов.

— Какой у нас может быть конфликт? — спросил Томас. — У нас у всех забирают дома. Хана подняла руку, хотя это не было собранием.

— Я, например, не уверена, что хочу сохранять мою квартиру любой ценой.

Томас повернулся к ней.

— Тогда зачем пришла?

— Потому что «любой ценой» — это тоже цена, Томас.

Алекс позволил им посмотреть друг на друга несколько секунд.

Вот ради этого и нужна была анкета. Не для бюрократии. Чтобы люди увидели, что общий адрес не создаёт общего поручения.

— Если госпожа Вейс хочет добиться полноценного пересмотра решения, но в случае хорошего предложения готова выйти из дела, это не делает её позицию неправильной, — сказал он. — Но я должен знать это заранее.

— А если я не выйду ни при какой цене? — спросила Эва.

— Я тоже должен знать.

— Почему?

— Потому что моя работа — не угадывать, что клиент считает приемлемым, когда появится предложение.

Руди Белл пролистал анкету.

— Здесь написано: «Предпочтительный результат». Что туда писать? «Не сносить»?

— Если это ваш предпочтительный результат — пишите.

— Но вы же сказали, суд не может приказывать не сносить.

— Я сказал, что суд не выбирает маршрут вместо города. Это не значит, что я не хочу знать, чего хотите вы.

Томас положил ручку.

— Я хочу, чтобы суд остановил этот маршрут.

— Временно или навсегда?

— Навсегда.

— Тогда я сразу скажу неприятную вещь. На тех материалах, которые есть сейчас, я не вижу правовой теории, позволяющей обещать вам постоянный запрет на строительство именно по Вересковой.

Томас откинулся назад.

— Тогда вы уже решили, что город прав.

— Нет. Я решил не обещать средство защиты, которого суд может не иметь права дать.

— Какая разница, если результат один?

— Для юриста — большая.

— А для моего дома?

Эва посмотрела на Томаса, потом на Алекса. Она уже слышала почти тот же разговор неделю назад и, судя по выражению лица, не стала любить его больше.

Алекс положил ладони на стол.

— Послушайте. Если город нарушил обязательную процедуру или принял решение без надлежащего рассмотрения существенных факторов, суд может отменить это решение. Тогда администрации придётся рассматривать вопрос снова. Это реальный результат.

— И выбрать ту же линию, — сказала Хана.

— Да.

В комнате стало тише.

Руди первым вернулся к анкете.

— Тогда зачем судиться?

— Это не вопрос, на который я должен ответить за вас.

— Очень удобно.

— Наоборот. Было бы удобнее сказать, что любое обращение в суд имеет смысл само по себе.

Клара, до сих пор молчавшая, спросила:

— А что вы будете проверять?

— Сейчас — то, что можно проверить по доступным материалам и по процедуре. Кто принимал решение. Какие документы были перед комиссией. На каком этапе сравнивались маршруты. Как учитывались замечания консультаций. Какие факторы администрация считала существенными. Если дело будет принято к производству, город должен будет представить административное досье, на котором основывалось решение. Но этого досье у нас сейчас нет.

— То есть вы не знаете, что у них внутри? — спросила Эва.

— Не знаю.

— А город знает всё, что есть у нас?

— Он знает ваши публичные замечания и то, что вы ему сами направили. Наши консультации с вами конфиденциальны.

Томас снова взял ручку.

— Значит, пока у них преимущество.

Алекс покачал головой.

— У администрации всегда есть собственные документы раньше заявителя. Это не преимущество в смысле игры. Это устройство административного решения. Если будет суд, материалы, на которых они основывались, станут частью проверки.

— Если всё отдадут, — сказал кто-то у стены.

Алекс посмотрел туда.

— Не начинайте дело с предположения, что другая сторона обязательно будет нарушать правила. Если появится реальная проблема с раскрытием, тогда будем решать её как реальную проблему.

Эва коротко кивнула.

Алекс заметил это именно потому, что от неё ожидал возражения.

Следующие сорок минут ушли не на право.

Один человек хотел знать, можно ли одновременно оспаривать решение и впустить оценщика.

Можно.

Другой боялся, что участие в деле автоматически лишит его десятипроцентной городской надбавки.

По опубликованным правилам — нет.

Руди спросил, может ли продать дом городу добровольно после подачи заявления.

Теоретически да; практически это может изменить его личный интерес в продолжении дела, и об этом нужно будет сообщить юристу.

Хана хотела знать, обязан ли Центр рассказывать прессе, кто клиенты.

Нет.

Томас хотел коллективное заявление уже сегодня.

Алекс отказался.

— Почему? — спросил Томас.

— Потому что я ещё не знаю, кого представляю.

— Напишите «жители Вересковой».

— Виктор Сол — житель Вересковой.

Томас замолчал.

— И он просил не говорить от его имени, — продолжил Алекс. — Леона Ферр тоже пока не просила меня представлять её. Малик Дари задаёт вопросы как коммерческий арендатор, но не говорил, что хочет оспаривать маршрут. Если мы начнём с неточного описания собственных клиентов, это будет плохой способ обвинять город в неточном рассмотрении фактов.

Хана тихо засмеялась.

Томас — нет.

К половине первого на столе лежало девять анкет.

У двух в графе «предпочтительный результат» стояло фактически одно слово: «остаться».

У трёх — «повторно рассмотреть маршрут».

У одной — «получить справедливые условия и не затягивать».

Руди написал: «Сохранить дом, если это разумно; иначе достаточно купить другой с гаражом». Потом приписал: «гараж важен».

Алекс подчеркнул последнее. Иногда самая полезная часть юридической анкеты выглядела именно так.

— Что теперь? — спросила Эва.

— Я проведу проверки конфликтов, посмотрю ваши документы и до конца недели скажу, кого Центр может принять на представительство. Параллельно я продолжу анализировать публичные материалы.

— А иск?

— Пока нет.

— Сколько у нас осталось?

— Тридцать восемь дней после сегодняшнего.

— Вы считаете каждый день?

— Это буквально одна из причин, по которой людям нужны юристы.

На этот раз улыбнулась даже Эва.

Когда все ушли, Алекс собрал анкеты и заметил на одном из стульев сложенный листок.

Это была не новая улика и не забытый секретный документ.

Список вопросов Эвы к городу на четверговой встрече.

Напротив «куда конкретно можно переехать» она поставила галочку.

Напротив «почему именно здесь» — нет.

Алекс положил листок к её анкете.

В два часа он получил ответ от Марты Рейн на письмо, которое отправил утром с просьбой подтвердить актуальный перечень опубликованных материалов по решению.

«Господин Варн,

актуальный публичный комплект размещён по ссылке ниже. Сегодня добавлен протокол четверговой встречи и письменные ответы на вопросы, на которые не успели ответить в зале. Если Центр будет представлять конкретных лиц, прошу направлять дальнейшую процессуальную корреспонденцию с указанием их имён либо обозначать её как общую до заключения соглашений.

С уважением,

Марта Рейн».

Ни защиты города на три страницы.

Ни вопроса, зачем ему документы.

Ни слова «безосновательно».

Алекс открыл ссылку.

Протокол был длинным, скучным и, на первый взгляд, довольно честным. В нём были и слова Юлиана Керра о технической возможности восточного обхода, и тридцать восемь процентов дополнительной стоимости, и вопрос Малика о коммерческой аренде.

Под последним город отвечал, что стандартная программа предусматривает подтверждённые расходы на перемещение оборудования и прямые убытки в установленных пределах; вопрос дополнительной поддержки при существенном росте аренды «передан для рассмотрения службе переселения».

Это было не признание ошибки.

И не решение проблемы.

Просто вопрос, который теперь существовал на бумаге.

Алекс сохранил протокол.

Потом создал новый документ.

Назвал его: «Вересковая — предварительная правовая рамка».

Первый пункт он написал сразу:

«Не оспаривать необходимость городской защиты от паводка без новой доказательственной базы».

Второй потребовал больше времени.

Он набрал:

«Проверить, когда и каким образом социальные последствия каждого маршрута учитывались при окончательном сравнении вариантов».

Перечитал и добавил:

«Не предполагать ответ заранее».

Третий пункт:

«Отделить спор о законности выбора маршрута от индивидуальных споров о размере компенсации».

Четвёртый:

«Не говорить от имени всего района».

Телефон снова завибрировал.

Новое письмо пришло от Леоны Ферр.

«Спасибо за встречу во вторник. Я пока не хочу вступать в дело. Если это изменится, сообщу. Прошу при этом присылать общую открытую информацию, если можно».

Алекс перенёс её строку в таблице из жёлтой категории в серую.

Потом открыл список тех, кому нужно было позвонить до пятницы.

Дело ещё не существовало.

Была улица, несколько десятков несовпадающих интересов, административное решение, которое выглядело достаточно серьёзным, чтобы не развалиться от первого чтения, и тридцать восемь дней до конца срока.

Алекс предпочитал начинать именно с этого.

Не с обещания выиграть.

С точного понимания того, что они вообще имеют право попытаться изменить.

Глава 6

18 сентября 2026 года

В пятницу в восемь сорок две Марта Рейн получила письмо, которое начиналось словами «в настоящее время Центр общественного права представляет интересы одиннадцати собственников», и первым делом пересчитала имена.

Их действительно было одиннадцать.

Эва Мирен. Томас Ивен. Хана Вейс. Руди Белл. Клара Вент и ещё шесть человек с Вересковой набережной, чьи фамилии Марта знала пока только по таблице уведомлений.

Леоны Ферр в списке не было.

Малика Дари тоже.

Виктора Сола, разумеется, не было.

Марта прочитала письмо второй раз уже не как список.

Алекс Варн сообщал, что Центр заключил соглашения о представительстве с указанными лицами для оценки возможности административного оспаривания решения о маршруте. Это пока не было иском, претензией или обязательным досудебным документом. Варн отдельно написал, что окончательные основания обращения ещё формируются после изучения публичных материалов.

Затем шли четыре вопроса.

Первый: подтверждает ли город, что до окончания срока обжалования не планирует издавать индивидуальные акты принудительного отчуждения в отношении перечисленных собственников.

Второй: какие материалы, помимо опубликованного комплекта, находились непосредственно перед комиссией в день принятия решения.

Третий: существовал ли на тот момент отдельный документ, сопоставляющий социальные последствия маршрутов.

Четвёртый: намерен ли город добровольно приостановить геотехнические и иные подготовительные работы в пределах Вересковой до истечения срока обжалования.

Письмо было коротким.

Марта всё равно поставила рядом блокнот.

На первом вопросе написала: «Да — индивидуальные акты не раньше оценки + предложения + срока ответа. Не обещать больше, чем процедура».

На четвёртом: «Нет. Работы обратимы. Не связаны с передачей владения».

Между ними остались два вопроса, ради которых Варн, по её мнению, и писал письмо.

Она открыла внутренний реестр материалов комиссии.

Перед комиссией действительно находилось больше документов, чем было выложено в публичный пакет: не потому, что город держал вторую тайную версию решения, а потому, что никто не публиковал на сайте двадцать семь технических приложений, рабочие расчёты стоимости переноса сетей, результаты геологии и полный протокол междепартаментной группы.

В случае судебного производства административное досье придётся сформировать из того, на чём реально основывалось решение.

Это было нормально.

Марта любила эту стадию меньше всего не потому, что боялась документов, а потому, что в любом проекте после трёх лет работы документы начинали размножаться быстрее, чем люди успевали помнить, зачем именно они были созданы.

Она набрала Томасу Элю.

— У тебя есть двадцать минут?

— Это юридические двадцать минут или обычные?

— Обычные.

— Тогда, возможно, сорок.

— Мне нужен перечень материалов комиссии на четвёртое сентября. Не весь проектный архив. Только то, что было перед членами комиссии либо прямо включено ссылкой в материалы решения.

— Для Варна?

— Для нас.

На том конце послышалось постукивание клавиатуры.

— Он написал?

— Представляет одиннадцать собственников.

— Уже иск?

— Нет.

— Просит остановить бурение?

— Да.

— Юлиан будет счастлив.

— Мы не обязаны распределять счастье между департаментами.

— Эту фразу я записываю.

Марта положила трубку и открыла сравнительную матрицу маршрутов.

Она видела её десятки раз.

По горизонтали шли варианты. По вертикали — стоимость, срок, строительный риск, эксплуатационная надёжность, число пересечений крупных сетей, необходимость переноса дороги, объём работ в русле, количество затрагиваемых объектов, число переселяемых жителей, влияние на коммерческие помещения и ещё несколько категорий.

Там, где можно было поставить число, стояло число.

Там, где число было бы ложью, стояли слова.

У выбранного маршрута в строке «социальное воздействие» значилось: «значительное; возможно смягчение компенсационными и переселенческими мерами».

У восточного обхода: «умеренное жилое; значительное транспортное и коммерческое».

У речного варианта: «низкое жилое; повышенное воздействие на речную среду и навигацию».

Марта задержала взгляд на слове «значительное».

Оно ничего не скрывало.

И всё-таки было очень вместительным словом.

В нём одновременно помещались квартира Эвы, договор Малика, магазин Клары, частный дом Виктора, чужой школьный маршрут, две собаки какой-то женщины из первого ряда и старые двери, которые один собственник хотел забрать с собой.

С правовой точки зрения администрация не обязана была превращать всё это в евро.

С правовой точки зрения ей нужно было знать о существенных последствиях и учитывать их при выборе.

Марта провела карандашом линию под строкой и написала на полях:

«Основание оценки? Материалы консультаций + реестр объектов + соц. записка. Проверить, что именно было перед комиссией».

Это не было признанием слабости.

Это было то, что она делала с любым аргументом, который собиралась защищать: проверяла, на чём он стоит.

В девять двадцать Нина Саар вошла без стука с телефоном в руке.

— У меня журналист спрашивает, «город уже готовится к суду».

— Мы готовимся отвечать на письмо юриста.

— Для журналиста это длиннее.

— Тогда пусть печатает мелким шрифтом.

Нина села напротив.

— Алекс Варн?

Марта кивнула.

— Одиннадцать собственников. Пока оценка возможного иска.

— Что хотят?

— Подтверждение по процедуре отчуждения, перечень материалов комиссии, вопрос про социальное сравнение и остановку подготовительных работ.

— Мы остановим?

— Нет.

— Хорошо.

Нина сказала это слишком быстро, и Марта посмотрела на неё.

— Почему «хорошо»?

— Потому что после четверга половина сотрудников боится сделать на Вересковой что-либо, включая припарковаться.

— Это обратная сторона плохой идеи «ничего не делать, пока все не успокоятся».

— Люди не успокоятся.

— Именно.

Нина положила телефон на стол.

— Геологи закончили скважину на участке четыре. Никаких сюрпризов. Лаборатория будет через две недели. Юлиан хочет двигать следующую точку по графику.

— Если доступ согласован и это не требует владения спорным объектом, юридических причин останавливать нет.

— Варн скажет, что мы создаём свершившийся факт.

— Буровая скважина диаметром десять сантиметров не создаёт право снести многоквартирный дом.

— Я знаю.

— Тогда не спорь с фразой, которую он ещё не сказал.

Нина помолчала.

— Иногда с тобой утомительно разговаривать.

— Это профессиональное качество.

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Если они подадут иск, общественно будет выглядеть так, будто город продолжает проект, пока люди пытаются его оспорить.

— Потому что город продолжает проект, пока люди могут его оспаривать. Эти две вещи не исключают друг друга. Вопрос — какие действия обратимы и какие создают необратимые последствия.

Нина взяла со стола карандаш, которым Марта подчёркивала матрицу, потом сразу положила обратно.

— Принудительных актов пока не будет?

— По обычному графику и не должно быть. Сначала оценка. Потом предложение. Потом срок собственнику. Не нужно придумывать специальную паузу там, где процедура уже даёт время.

— А добровольные сделки?

— Могут быть. Но первые предложения всё равно не готовы.

— Леона сегодня звонила Инессе.

Марта подняла глаза.

— По квартире?

— Хочет понимать, может ли служба помочь с подбором уже до оценки. Инесса сказала да, без связи с согласием на выкуп.

— Правильно.

— Эва, вероятно, назовёт это вербовкой.

— Эва имеет право плохо назвать хорошую процедуру.

Нина засмеялась.

— Вот это в пресс-релиз не пойдёт.

Когда она ушла, Марта вернулась к письму Варна.

В десять Томас принёс ей электронный перечень материалов комиссии и бумажную распечатку, хотя она его не просила.

— На случай конца цивилизации, — объяснил он. — Юлиан влияет.

— Сколько?

— Сорок три позиции, если считать приложения отдельно. Двадцать одна была доступна членам комиссии через систему заседаний. Остальные включены ссылками в основной технический доклад и финансовую записку.

Марта пробежала список.

Инженерное сравнение маршрутов.

Сметная модель.

Записка транспортного департамента.

Сводка по сетям.

Реестр затрагиваемой недвижимости.

Сводка консультаций.

Социально-демографическая записка.

Оценка переселенческих мер.

Протоколы трёх технических совещаний.

— А что именно члены комиссии открывали? — спросил Томас.

— Это не тот вопрос.

— У нас есть журнал доступа.

— Знаю. Но административное решение не становится основанным только на тех файлах, на которые конкретный член комиссии кликнул мышью. Нам нужно показать, что официально составляло материал решения, а не реконструировать его историю браузера.

— Жалко. Я уже представлял приложение: «член комиссии номер четыре не открыл приложение семнадцать».

— И что бы это доказывало?

— Что он мудрый человек. Там сто восемьдесят шесть страниц.

Марта улыбнулась.

— Проверь ещё, не было ли между итоговой сводкой консультаций и финальным решением дополнительных письменных комментариев департаментов. Только письменных. Не начинай собирать воспоминания о разговорах у кофемашины.

— Разрушаешь лучшие доказательства.

После его ухода она открыла социально-демографическую записку.

Не ту, которая была опубликована в виде краткого резюме, а внутреннее приложение к материалам комиссии.

Возрастные группы.

Доля собственников.

Транспортная доступность.

Близость базовых услуг.

Количество коммерческих арендаторов.

Предполагаемая потребность в сопровождении пожилых собственников.

Несколько страниц текста о том, что одновременное переселение может нарушить существующие социальные связи и что стандартная денежная компенсация сама по себе не устраняет все последствия.

Марта прочитала эту фразу дважды.

Хорошо.

Значит, город не утверждал, что квартира равна жизни внутри квартиры.

Дальше следовал раздел о мерах смягчения: сопровождение поиска, расходы на переезд, десятипроцентная надбавка, консультации с арендаторами бизнеса.

Она поставила галочку.

Потом вернулась к сравнительной матрице.

На стоимость восточного маршрута было семь страниц допущений, диапазонов и чувствительности.

На его транспортные последствия — отдельная записка.

На строку «социальное воздействие» приходилось несколько источников, но итог остался словесным.

Марта не считала это автоматически проблемой. Право не требовало одинакового количества страниц для каждого фактора. Оно тем более не требовало притворяться, что соседство, привычный маршрут или потеря клиентского потока можно объективно пересчитать в одну денежную ставку.

Но если Варн построит аргумент не на том, что социальные последствия проигнорировали, а на том, что их рассмотрели недостаточно для настоящего сравнения, городу придётся отвечать точнее, чем «они есть в документах».

Она написала второй комментарий:

«Достаточность ≠ одинаковая измеримость. Подготовить объяснение методики, не спорить, что неэкономические последствия существуют».

Потом подчёркнула «не спорить».

В одиннадцать пятнадцать началось внутреннее совещание.

Юлиан пришёл последним и сразу положил на стол результат бурения.

— Предварительно грунт соответствует модели. Лабораторная прочность позже.

— Отлично, — сказала Нина. — Сегодня мы обсуждаем не грунт.

— Тогда зачем меня позвали?

— Потому что через месяц ты спросишь, почему юристы неправильно описали твой проект.

— Справедливо.

Кроме Марты, Нины и Юлиана пришли Инесса и Павел Рош.

Марта вывела на экран письмо Варна.

— Это не иск, — сказала она. — И мы не будем отвечать так, будто он уже подан. Но это полезный сигнал о том, какие вопросы могут оказаться в центре спора.

Юлиан прочитал третий вопрос.

— «Отдельный документ, сопоставляющий социальные последствия маршрутов». У нас есть сравнительная матрица.

— Есть.

— Тогда ответ — да.

— Ответ — не совсем так, — сказала Марта. — В матрице они сопоставлены по категориям. Есть социальная записка. Есть материалы консультаций. Но нет одного документа, где для каждого маршрута по одинаковой методике рассчитана социальная цена.

— Потому что такой цены нет.

— Именно. И если мы это говорим, надо объяснить, что отсутствие одной цифры не означает отсутствие фактора.

Павел отодвинул очки на лоб.

— А стоимость можно сравнить одной цифрой.

— Не одной, — сказал Юлиан. — У тебя диапазоны.

— В пресс-релизе — одной.

— В пресс-релизе много преступлений против инженерии.

— Коллеги, — сказала Марта.

Они замолчали.

— Нам не нужно доказывать, что все факторы устроены одинаково. Они не устроены одинаково. Нам нужно показать последовательность решения: какие альтернативы рассмотрены, какие последствия были известны, почему комиссия могла разумно предпочесть выбранный маршрут.

Инесса спросила:

— А компенсация — это часть ответа на социальное воздействие или отдельный вопрос?

— И то и другое. Но осторожно. Нельзя говорить: «мы платим десять процентов сверху, значит социальная потеря компенсирована». Это неправда и юридически нам не нужно.

Юлиан кивнул.

— Хорошо.

Марта посмотрела на него.

— Почему именно это «хорошо»?

— Потому что я не хочу на слушании объяснять, что десять процентов компенсируют человеку соседей. Я инженер, а не фокусник.

Павел сказал:

— Десять процентов вообще не для соседей.

— Я знаю.

— Просто уточняю.

— Вот поэтому нас пятеро и сидит здесь, — сказала Нина. — Чтобы никто случайно не объяснил весь город одной своей таблицей.

На несколько секунд стало тихо.

Потом Марта развернула экран к себе.

— Основная позиция пока простая. Полномочия города есть. Необходимость проекта обоснована. Альтернативы были реальными и рассмотрены. Выбранный маршрут имеет сильные преимущества по технической надёжности, срокам и стоимости. Консультации проводились. Социальное воздействие учитывалось. Если будет иск, вопрос, скорее всего, будет не «можно ли строить», а «достаточно ли хорошо администрация сравнила последствия и оставалась ли открыта к замечаниям до окончательного решения».

— Мы оставались, — сказала Нина.

— Тогда нам должно быть легко показать это документами.

Нина ничего не ответила.

Марта заметила паузу.

Не испугалась её.

Просто записала.

Когда остальные разошлись, Инесса задержалась у двери.

— Ещё один вопрос. Если эти одиннадцать станут заявителями, мы продолжаем работать с ними по переселению как обычно?

Марта подняла глаза.

— Конечно.

— Даже если они будут просить суд отменить решение?

— Особенно не надо придумывать обратное. Право оспаривать маршрут не прекращает право получить информацию, впустить оценщика или попросить помощь с поиском жилья.

— Я знаю. Хочу, чтобы это прозвучало от тебя, прежде чем кто-нибудь решит «не трогать спорных».

— Напиши сотрудникам сегодня. Никаких отдельных списков сложных жителей.

Инесса кивнула.

— А если человек просит нас подобрать квартиру, это потом можно трактовать как согласие с переездом?

— Нет. И в форме помощи это уже написано.

— Люди формы не читают.

— Тогда говорите словами.

Инесса улыбнулась.

— Ты всё больше становишься похожа на меня.

— Не распространяй.

У двери она остановилась.

— Леона просила варианты с лифтом в Кварталах Моста. Просто чтобы посмотреть. Эва вчера звонила с вопросом, может ли участие в будущей группе повлиять на десятипроцентную надбавку.

— Не может.

— Я ответила.

— Правильно.

— Они обе пока живут в одном доме и уже ведут себя так, будто выбрали разные страны.

Марта ничего не сказала.

Это тоже было последствием проекта, которое плохо помещалось в таблицу. Но не всякий человеческий конфликт становился юридически значимым только потому, что возник после административного решения.

Через несколько минут Нина переслала ей два заголовка, опубликованных в течение одного часа.

Первый: «Вересковая готовит иск против города».

Второй: «Одиннадцать собственников могут задержать защиту десятков тысяч арденцев».

Под вторым Нина написала: «Комментируем?»

Марта ответила: «Только факт: иска нет; город соблюдает право на обжалование; подготовительные работы идут по утверждённому графику».

Нина прислала значок поднятого большого пальца, который Марта терпеть не могла в рабочей переписке.

Она всё равно ничего не написала в ответ.

После совещания она подготовила ответ Варну.

Город подтверждал, что индивидуальные акты принудительного отчуждения не могут быть изданы без предусмотренных законом предшествующих стадий и что по текущему графику такие акты до истечения срока судебного обжалования не планируются.

Город не соглашался останавливать геотехнические работы, поскольку они не передавали право собственности, не предполагали сноса и не ограничивали возможность судебного контроля.

По материалам комиссии Марта не стала прикладывать внутренний реестр. Она перечислила категории документов и сообщила, что при возбуждении производства административное досье будет представлено суду в установленном порядке.

На третий вопрос ответила наиболее подробно:

«Сопоставление социальных последствий осуществлялось в составе общей сравнительной оценки вариантов с использованием реестра затрагиваемых объектов, материалов обще-

ственных консультаций, социально-демографической записки и анализа предусмотренных мер смягчения. Социальные последствия не сводились к единой денежной величине».

Она перечитала последнее предложение.

Оно было точным.

И, вероятно, именно из него Варн однажды сделает вопрос.

Марта отправила письмо.

Через двадцать минут пришёл ответ:

«Благодарю. После определения окончательного круга заявителей сообщу отдельно».

Ничего больше.

Марта закрыла переписку и вернулась к матрице маршрутов.

Карандаш всё ещё лежал рядом.

Она снова нашла строку «социальное воздействие».

Значительное; возможно смягчение.

Раньше эта формулировка казалась ей достаточно осторожной.

Теперь она спросила себя не о том, верна ли она.

Верна.

Она спросила, что конкретно должна была знать комиссия, чтобы иметь право написать именно эти два слова рядом.

Марта не решила, что ответ плохой.

Она только поняла, что если дело дойдёт до суда, слово «значительное» придётся раскрыть гораздо подробнее, чем на одну строку.

Она обвела его карандашом.

Потом закрыла таблицу и открыла следующий документ.

Глава 7

19 октября 2026 года

За три дня до окончания срока у Алекса Варна было тридцать одно согласие на представительство, двадцать восемь заполненных анкет и двадцать шесть человек, которых он был готов указать в иске.

Разница между этими числами занимала половину его понедельника.

Один собственник подписал соглашение с Центром, но уехал к дочери и уже неделю не отвечал на телефон. Другая женщина хотела, чтобы Алекс проверил расчёт будущей компенсации, однако категорически не желала оспаривать маршрут: она боялась, что любое дело задержит продажу квартиры. Третий человек отметил в анкете сразу два взаимоисключающих пункта — «требую полного прекращения проекта» и «согласен на переселение при увеличении выплаты на пятнадцать процентов» — и приписал на полях: «Смотря что реально возможно».

Это, подумал Алекс, было самым честным юридическим ответом во всей стопке.

На экране перед ним стояла таблица с фамилиями, адресами, правовым статусом и ещё одной колонкой, которую он назвал «Цель». Она должна была облегчить работу. Вместо этого в ней были формулировки: «остаться», «выиграть время», «получить честную оценку», «не дать сделать так в следующий раз», «не знаю», «чтобы они ещё раз посчитали».

В отдельной строке напротив Эвы Мирен стояло: «сохранить дом / повторное рассмотрение, если это максимум суда».

Алекс сам добавил вторую половину после их последнего разговора.

Телефон зазвонил.

— Центр общественного права, Варн.

— Это Руди. Я вчера отправил гараж.

Алекс закрыл глаза.

— Фотографии гаража?

— Документы. Фотографии я отправлял в пятницу.

— Нашёл. Шесть файлов.

— Семь.

Алекс посмотрел на почту. Седьмым был снимок металлического стеллажа, заставленного коробками.

— Руди, стеллаж не является документом на недвижимость.

— Он показывает, зачем мне гараж.

— Это я понимаю.

— А город понимает?

— Когда дойдёт до индивидуальной оценки, мы это поднимем отдельно. В иск о маршруте фотографию стеллажа я не приложу.

На другом конце возникло недовольное молчание.

— Почему?

— Потому что суд не будет определять стоимость вашего гаража в этом деле.

— Но они его забирают в этом деле.

— Физически — да. Юридически сейчас мы оспариваем решение, которым утверждён коридор. Размер компенсации возникает на следующей стадии и может оспариваться отдельно, если будет спор о сумме.

— Очень удобно вы это разделили.

— Не я.

— Всё равно удобно.

Алекс не стал спорить. В этом Руди был прав: право делило событие на решения, сроки и отдельные способы защиты. Для человека всё происходило одновременно. Дом, гараж, деньги и переезд составляли один вопрос. Для суда это могли быть четыре разных вопроса с четырьмя разными основаниями.

— Сегодня в семь вы будете? — спросил Алекс.

— Буду.

— Принесите доверенность. Стеллаж оставьте дома.

— Он в гараже.

— Тем лучше.

После звонка Алекс открыл последнюю редакцию заявления.

За месяц текст стал короче на девять страниц.

В первой версии было слишком много всего, что люди говорили ему на встречах: неравенство районов, невозможность заменить соседство деньгами, влияние проекта на пожилых, положение арендаторов бизнеса, рост цен на жильё ближе к центру, сомнение в том, что город вообще слышал возражения после появления предпочтительной линии.

Почти всё это оставалось важным.

Не всё было отдельным юридическим основанием.

Он удалил абзац, в котором утверждалось, что город придал стоимости «определяющее значение». Пока он этого не мог доказать. Из публичных материалов следовало лишь, что стоимость была одним из крупных факторов и что выбранный вариант был существенно дешевле альтернативы. Это не одно и то же.

Он удалил формулировку «фиктивные консультации». Город проводил встречи, принимал письменные замечания и отвечал на них. Вопрос был тоньше: оставалась ли у администрации реальная открытость к изменению предпочтительного маршрута на той стадии, когда значительная часть технической работы уже была завершена.

Он удалил просьбу «обязать город выбрать альтернативный маршрут».

Её он вычеркнул ещё в первую неделю и с тех пор дважды возвращал только затем, чтобы снова вычеркнуть. Не потому, что не понимал желания клиентов. Потому что административный суд не должен был становиться проектным бюро.

В просительной части осталось три вещи.

Признать решение об утверждении маршрута незаконным и отменить его.

Вернуть вопрос городской комиссии для нового рассмотрения с надлежащей оценкой существенных последствий альтернатив.

До разрешения дела применить только такие временные меры, которые сохраняют возможность эффективного судебного контроля над необратимыми действиями.

Последняя фраза была намеренно осторожной. Алекс не собирался просить остановить каждый геологический замер, совещание и закупку бумаги только потому, что на них можно было наклеить название проекта. Если город начнёт принудительно изымать спорные объекты или готовить снос до решения суда, тогда вопрос станет другим.

Сейчас ему нужна была не самая широкая просьба.

Ему нужна была та, которую суд мог воспринять всерьёз.

В половине третьего в дверь постучала Сара Мин, второй юрист Центра. Она положила на стол новую папку.

— Ещё три доверенности.

— Кто?

— Илена Рош, Давид Кел и Нела Дров.

Алекс посмотрел на последнее имя.

— Нела всё-таки решила участвовать?

— До пяти минут назад.

— Что изменилось?

— Ничего. Это и изменилось.

— Очень юридично.

Сара села напротив.

— Она говорит, что три недели ждала ощущения, будто кто-нибудь знает, что будет дальше. Не дождалась. Решила, что хотя бы хочет, чтобы решение проверили.

Алекс нашёл Нелу в таблице. Двадцать девять лет, арендатор квартиры в доме номер четыре. Основная цель две недели назад: «уехать быстро, не участвовать публично». Он перенёс её из жёлтой строки в зелёную и тут же поставил рядом знак вопроса.

— Позвони ей ещё раз до вечера.

— Почему?

— Потому что иск не сделает её жизнь определённое в ближайшие месяцы. Может сделать наоборот.

— Я ей сказала.

— Скажи ещё раз.

Сара посмотрела на него.

— Ты пытаешься сократить число собственных клиентов?

— Я пытаюсь не увеличить его людьми, которые хотят противоположного результата.

— Отвратительная бизнес-модель.

— Поэтому мы и общественная организация.

Она открыла свою копию заявления.

— Я всё ещё думаю, что нужно сильнее написать про арендаторов бизнеса.

— В фактах — да. Как самостоятельное основание — пока нет.

— Публичная памятка буквально признаёт, что им компенсируют перенос оборудования, но не рост аренды.

— Это может показывать неполноту анализа воздействия. Но закон не обещает Малику прежнюю арендную ставку. Если мы напишем так, будто обещает, город правильно нас разобьёт.

— Малик вообще не подписал доверенность.

— И не собирается.

— Почему?

— Потому что его договор заканчивается в марте, хозяин может продать помещение добровольно, а Малик не хочет ждать судебного ответа, чтобы решать судьбу мастерской. Он просил проконсультировать его по программе помощи отдельно.

Сара кивнула.

— Разумно.

— Именно. Не все разумные люди должны быть нашими заявителями.

Они ещё полчаса проверяли правовой интерес каждого из двадцати шести. Восемнадцать были собственниками жилья. Пятеро — квартирными арендаторами, чьи действующие договоры попадали внутрь утверждённого коридора. Трое арендовали коммерческие помещения. Малик среди них не значился; Мира тоже решила пока не вступать, хотя её кафе находилось в зоне проекта.

Сара остановилась на имени Нелы.

— Город может сказать, что она не собственник и решение о маршруте само по себе не прекращает её договор.

— Может. Но её договор действует ещё два года, здание включено в территорию будущего отчуждения, а решение напрямую определяет дальнейшую судьбу объекта. Для доступа к административному суду этого должно хватить. Другое дело, что её имущественные требования уже, чем у собственника. Не смешиваем.

Следующей была супружеская пара из дома номер двенадцать. Квартира принадлежала обоим, а доверенность подписал только муж.

— Звони, — сказал Алекс.

— Он говорил, что жена согласна.

— Суд любит согласие, которое можно приложить к делу.

Сара набрала номер.

Алекс тем временем проверил приложение с адресами. В таких делах громкие идеи легко портились мелочью: неверным кадастровым номером, неактуальной доверенностью, человеком, который считал себя собственником всей квартиры, хотя половина принадлежала сестре. Он не хотел через месяц спорить о социальном воздействии, пока город совершенно справедливо указывает, что третьего заявителя вообще не касается объект, записанный в приложении.

Через пять минут Сара подняла большой палец.

— Жена подпишет электронно до шести.

— Хорошо.

— Тебе не надоело быть человеком, который радуется правильной доверенности?

— Это очень устойчивый источник счастья.

Они прошли список до конца. Алекс поставил рядом с каждым именем маленькую отметку. Не знак моральной правоты. Просто подтверждение, что человек действительно мог прийти в суд с этим вопросом.

К семи вечера задняя комната «Липы» была занята так плотно, что Мира Коэн вынесла из неё два декоративных растения и сказала, что если кто-нибудь сломает большой фикус, она присоединится к делу только ради взыскания морального вреда.

— Закон его растению не обещает, — сказал Алекс.

— Тогда закон плохо продуман.

Это был единственный момент за первые двадцать минут, когда засмеялись почти все.

Пришли двадцать три человека из будущего списка. Ещё трое подключились по видеосвязи. Леона Ферр не пришла. Виктор Сол тем более. Малик заглянул только купить кофе навынос и, увидев количество папок, сказал Эве:

— Я вам сочувствую уже из-за бумаги.

— Ты всё ещё можешь присоединиться.

— Я всё ещё могу открыть мастерскую завтра в девять. Пока выбираю это.

Эва поджала губы, но ничего не ответила.

Алекс заметил эту короткую сцену и сохранил её в памяти не как доказательство, а как предупреждение. У каждого был собственный срок. Судебный календарь был лишь одним из них.

Он встал у стены, где обычно висело меню для групповых заказов.

— Прежде чем кто-то сегодня подпишет окончательное поручение на подачу иска, я хочу ещё раз сказать, чего в нём не будет.

Томас Ивен вздохнул.

— Обычно юристы начинают с того, что будет.

— Я пытаюсь разнообразить профессию.

Несколько человек улыбнулись.

— Мы не утверждаем, что защита от паводка не нужна. У нас нет основания утверждать это. Мы не просим суд самому выбрать Портовый обход или любую другую линию. Суд не проектирует систему. Мы не просим в этом деле установить каждому сумму компенсации. И я не могу обещать, что отмена решения, если мы её добьёмся, навсегда сохранит Вересковую.

Последняя фраза убрала остатки лёгкости из комнаты.

Эва сидела у окна, сложив руки поверх своей картонной папки. Папка за месяц стала толще.

— Мы это уже слышали, — сказала она.

— Я знаю. Сегодня я должен убедиться, что вы готовы подписаться под этим, а не только терпеть, когда я это говорю.

— А что тогда мы утверждаем? — спросила Хана Вейс.

Алекс повернул к ним один лист вместо презентации.

— Что при выборе маршрута город обязан был рассмотреть все существенные последствия достаточно полно, чтобы действительно сравнить варианты. Что социальные последствия не становятся менее существенными только потому, что их труднее выразить одной цифрой. И что консультация имеет смысл только тогда, когда замечание ещё способно повлиять на решение, а не только попасть в протокол.

— Они скажут, что всё это рассмотрели, — заметила Клара.

— Да.

— И у них есть документы.

— Да.

— Ты очень плохо продаёшь надежду.

— Я не продаю надежду.

Томас нахмурился.

— Но если они просто покажут бумагу, где написано «социальные последствия», мы проиграли?

— Нет. Наличие слова не заканчивает вопрос. Как и отсутствие денежной суммы не означает автоматически нарушение. Суд будет смотреть, какие сведения были перед комиссией, насколько они позволяли сравнивать последствия, какие альтернативы реально рассматривались и могла ли процедура повлиять на выбор.

— А мы этих материалов ещё не видели, — сказала Эва.

— Полностью — нет. Публичные документы видели. Административное досье город представит после возбуждения дела в установленном порядке.

— Значит, мы подаём иск, не зная всего?

— Да.

В комнате задвигались стулья.

Алекс не стал смягчать ответ.

— Срок на оспаривание заканчивается в четверг. Закон специально устроен так, что заявителю иногда приходится сформулировать основания по доступному решению и публичным материалам, а полное административное досье поступает уже в процессе. Мы не можем написать то, чего не знаем. Поэтому в иске нет обвинения, что город спрятал какой-то документ. Нет обвинения в коррупции. Нет утверждения, что инженеры сфальсифицировали риск. Если материалы покажут, что социальный анализ был подробным и комиссия действительно сравнила его с остальными факторами, наша позиция станет слабее. Я обязан сказать это сейчас.

Руди поднял руку, хотя никто не просил.

— А если покажут наоборот?

— Тогда сильнее.

— Хорошо. Хоть что-то работает нормально.

Хана спросила:

— А стоимость? Тридцать восемь процентов — это ведь их главный аргумент.

— Один из главных. И настоящий. Мы не будем делать вид, что дополнительные расходы оплачивает кто-то абстрактный. Вопрос не в том, имеет ли город право учитывать стоимость. Имеет. Вопрос в том, что именно он положил на другую чашу весов, когда сравнивал её с сохранением или разрушением конкретного сообщества.

Томас сказал:

— Я всё равно считаю, что они выбрали нас потому, что мы дешёвый район.

— Вы можете так считать. В иске этого как установленного факта не будет.

— Почему?

— Потому что у нас нет доказательства, что социальная или политическая слабость района была причиной выбора. У нас есть другой факт: выбранный маршрут дешевле и затрагивает Вересковую. Причину из этого автоматически не вывести.

Томас отвёл взгляд.

Алекс понимал его раздражение. Человеческий рассказ любил соединять факты быстрее, чем позволяли доказательства. Иногда это соединение оказывалось верным. Суд всё равно требовал мост.

Эва открыла папку.

— Я подпишу.

— Подождите, — сказал Алекс.

— Я месяц жду.

— Ещё пять минут переживёте.

Она посмотрела на него так, как смотрела медсестра на пациента, решившего спорить о процедуре измерения давления.

Алекс продолжил:

— Если город до решения суда предложит вам хорошую добровольную сделку, вы сохраните право её рассмотреть. Участие в деле не требует от вас отказаться от компенсации, помощи с жильём или переговоров. Если кто-то позже решит выйти, мы обсудим последствия отдельно. Я не хочу, чтобы этот список превратился в клятву соседям.

Эва ничего не сказала.

Зато Нела Дров, сидевшая у двери, подняла голову.

— Тогда я остаюсь.

Алекс посмотрел на неё.

— Даже если дело продлит неопределённость?

— Не дело её создало.

— Но дело может её продлить.

Нела кивнула.

— Я поняла.

Этого было достаточно.

Подписание заняло сорок минут и оказалось гораздо менее торжественным, чем ожидали некоторые. У Руди не совпадал номер удостоверения в старой доверенности. Клара забыла очки и попросила Хану прочитать ей один абзац, после чего всё равно перечитала сама, держа лист почти у носа. Томас расписался не в той строке. Эва принесла свою ручку и не дала её никому.

В девять без четверти Алекс пересчитал документы.

Двадцать шесть.

Не весь район.

Не большинство взрослых жителей.

Не единая община.

Двадцать шесть людей, достаточно непосредственно затронутых решением и достаточно согласных между собой хотя бы в одном: они хотели, чтобы суд проверил, как город пришёл к выбранному маршруту.

Мира поставила перед Алексом чашку остывшего кофе.

— За счёт заведения, — сказала она. — Потому что ты выглядишь так, будто сейчас попросишь ещё одну доверенность у кофемашины.

— Она арендует помещение?

— Всё, уходи.

На улице Алекс задержался под вывеской «Липы». Вересковая была обычной вечерней улицей. В окне магазина Клары горел свет. У мастерской Малика роллеты уже были опущены. В доме напротив кто-то вытряхивал коврик с балкона, явно не считая административный спор достаточной причиной отменить бытовые обязанности.

Он открыл на телефоне заявление.

В шапке ещё стояло: «Заявители: согласно приложению 1».

Теперь приложение существовало.

Алекс вписал число — двадцать шесть — в рабочую заметку и отправил Саре короткое сообщение:

«Состав подтверждён. Утром финальная проверка полномочий и приложений. Подача — завтра».

Потом убрал телефон.

До конца срока оставалось три дня.

До ответа на вопрос, что именно эти двадцать шесть человек смогут изменить, — значительно больше.

Глава 8

20 октября 2026 года

В девять двенадцать утра Марта Рейн получила электронное уведомление Административного суда Ардена и первым делом посмотрела не на требования, а на список заявителей.

Двадцать шесть.

В пятницу Центр общественного права представлял одиннадцать собственников. Вчера вечером Алекс Варн сообщил, что окончательный круг будет определён перед подачей. Теперь к собственникам добавились квартирные и коммерческие арендаторы, и почти у каждого имени стоял адрес на Вересковой набережной.

Тема письма была сухой: «Регистрация административного заявления. Мирен и другие против города Ардена».

Слово «другие» делало двадцать пять человек удивительно компактными.

Марта открыла приложенный файл.

Иск занимал тридцать четыре страницы без приложений. Это было меньше, чем она ожидала, и больше, чем хотелось Томасу Элю, который вошёл в кабинет как раз в тот момент, когда она дошла до пятой.

— Подали?

— Да.

— Сколько страниц?

— Тридцать четыре.

Томас поморщился.

— Значит, Варн нас не ненавидит, но и не любит.

— Ты когда-нибудь оцениваешь процессуальные документы не по объёму?

— Иногда по размеру приложений.

— Сто двенадцать страниц.

— Тогда всё серьёзно.

Он подошёл ближе.

— Что требуют?

— Пока читаю.

— Полный запрет проекта?

— Нет.

— Обязать выбрать восточный маршрут?

— Нет.

— Признать противопаводковую защиту ненужной?

Марта подняла на него глаза.

— Томас.

— Я проверяю, оставил ли он нам что-нибудь приятное.

— Не оставил.

Это было правдой.

Варн убрал из заявления почти все аргументы, которые город мог бы опровергнуть одной таблицей или ссылкой на полномочия. Заявители прямо признавали, что риск паводка существует, что модернизация защиты имеет законную общественную цель и что административный суд не должен самостоятельно выбирать инженерную трассу.

Они утверждали другое.

При сравнении вариантов город, по их мнению, не собрал и не рассмотрел социальные последствия с такой глубиной, которая позволяла бы действительно сопоставить их с технической стоимостью, сроками и рисками. Консультации проводились, но ключевое техническое

предпочтение сформировалось раньше, чем большая часть индивидуальных последствий была поставлена перед комиссией в конкретном виде. В результате, писал Варн, процедура могла быть формально открытой и одновременно слишком поздней, чтобы существенно повлиять на сам выбор.

Марта дочитала абзац и вернулась к началу.

Фраза была хорошая.

Она не согласилась с ней только потому, что заметила это.

— Они не говорят, что консультаций не было, — сказала она.

Томас сел напротив.

— Умно.

— Да.

— И что социальный анализ отсутствовал?

— Тоже нет. Пишут, что он был недостаточно подробным для сравнительной функции.

— Ещё умнее.

— Ты можешь не радоваться.

— Я не радуюсь. Я профессионально уважаю неприятность.

Марта продолжила читать.

В разделе о стоимости заявители признавали публичную разницу примерно в тридцать восемь процентов между выбранной линией и восточным обходом. Не называли эти деньги «незначительными». Не утверждали, что бюджетный фактор незаконен. Вместо этого ставили вопрос: что именно администрация положила на другую чашу весов и насколько хорошо понимала социальную потерю, когда решила, что дополнительные расходы не оправданы.

От этого аргумент не становился автоматически верным.

Зато его нельзя было отбить фразой «у города ограниченный бюджет».

Просительная часть была ещё осторожнее.

Отменить решение об утверждении маршрута.

Вернуть вопрос городской комиссии для повторного рассмотрения.

До разрешения дела запретить только необратимые действия, которые могли бы лишить судебную защиту практического смысла: принудительное отчуждение спорных объектов, передачу их под снос и сам демонтаж.

Подготовительные работы, не изменяющие права на недвижимость и не создающие необратимых последствий, заявители отдельно не просили останавливать.

Томас дочитал через её плечо.

— Он даже бурение оставил нам.

— Потому что просить запретить бурение было бы слабее.

— Неприятный человек.

— Не переходи на личности из-за хорошей процессуальной работы.

— Я сказал «неприятный» профессионально.

Марта пролистнула приложения.

Публичное решение комиссии. Карты вариантов. Опубликованная сравнительная таблица. Стенограмма сентябрьской встречи. Индивидуальные уведомления нескольких заявителей. Памятки собственникам и арендаторам. Письменные ответы города на вопросы Центра.

Ничего, чего Варн не должен был иметь.

Никаких внутренних приложений комиссии.

Никакой социально-демографической записки, которую Марта перечитывала в пятницу.

Никакого внутреннего реестра материалов.

Никакой поздней экспертизы, потому что экспертиз ещё не существовало.

Она почувствовала почти физическое облегчение не от слабости иска, а от его процессуальной чистоты. По крайней мере, сегодня им не придётся выяснять, откуда противоположная сторона получила документ, которого не должна была видеть.

Телефон зазвонил.

Нина Саар.

— Видела?

— Читаю.

— Пресса уже видела быстрее нас.

— Иск публичный после регистрации.

— Один сайт пишет «жители требуют остановить защиту города».

Марта посмотрела на просительную часть.

— Это неточно.

— Я знаю. Второй пишет «город ответит в суде за снос Вересковой».

— Тоже пока несколько впереди процесса.

— Что говорим?

— Что город получил заявление и рассмотрит его в установленный срок. Что подача иска не отменяет проект автоматически. Что право на судебное обжалование — нормальная часть административной процедуры. И что город продолжит соблюдать временные ограничения, если их установит суд.

— Никакого «мы уверены в законности решения»?

Марта подумала.

— Можно. Мы уверены в законности. Только без «необоснованный иск» до того, как кто-нибудь, кроме меня, его прочитал.

— Иногда ты лишаешь пресс-релизы характера.

— Это одна из моих функций.

Нина отключилась.

Через минуту пришло второе уведомление суда.

Заявление после предварительной формальной проверки принято к производству. Дело передано судье Адриане Лесс. Городу устанавливался двадцатидневный рабочий срок для ответа по существу. По ходатайству о временной защите — письменные замечания до полудня пятницы.

Марта знала Лесс по двум прежним инфраструктурным спорам, достаточно небольшим, чтобы никто не снимал у здания суда репортажей. Судья не любила, когда стороны приносили ей политический вопрос и пытались переименовать его в юридический. Ещё меньше она любила обратное — когда администрация называла политикой любой спор, в котором человек пользовался предусмотренным законом способом проверки решения. На одном из прошлых заседаний она двадцать минут заставляла обе стороны договориться хотя бы о том, какой именно административный акт они оспаривают, прежде чем позволила им перейти к аргументам.

Это не говорило Марте, чем закончится Вересковая.

Только означало, что широкие жесты в этом деле будут особенно бесполезны.

Марта посмотрела на календарь.

Двадцать рабочих дней означали середину ноября, если не возникнет отдельного определения о графике.

Пятница означала три дня на временные меры.

— Томас.

— Я уже понял по лицу.

— Созови Нину, Юлиана и Инессу на одиннадцать тридцать. Павла тоже. И запроси у суда подтверждение, идёт ли речь только о письменных замечаниях по обеспечению или Лесс назначит короткое заседание.

— Сделаю.

Он дошёл до двери.

— Марта.

— Да?

— Двадцать шесть — это много?

— Для чего?

— Для такого дела.

Она посмотрела на список.

— Достаточно, чтобы нельзя было говорить об одном недовольном собственнике. Недостаточно, чтобы говорить от имени района.

— То есть идеальное число для заголовков.

— Для заголовков идеальным было бы двадцать пять. Круглее.

Томас засмеялся и вышел.

Марта открыла чистый документ и написала заголовок: «Предварительная структура позиции города».

Первый пункт появился легко.

Полномочия и общественная цель.

Заявители их почти не оспаривали, поэтому превращать ответ в сорок страниц доказательства необходимости противопаводковой защиты было бы бессмысленно. Достаточно изложить основу и сослаться на материалы.

Второй: характер судебного контроля.

Суд проверяет законность и разумность решения, но не подменяет администрацию в техническом выборе.

Третий: реальность рассмотренных альтернатив.

Четвёртый: достаточность социальной оценки.

На четвёртом она остановилась.

В пятницу Марта обвела карандашом слова «значительное; возможно смягчение» в сравнительной матрице. Сегодня Варн почти дословно пришёл к тому вопросу, которого она ожидала.

Но иск всё ещё строился на публичной части картины.

Он не видел внутреннюю записку, где прямо признавалось, что стандартная денежная компенсация не устраняет все последствия переселения. Не видел протоколы технических совещаний. Не видел, в какой форме материалы пришли комиссии.

Город видел.

И именно поэтому ответ не мог быть написан так, будто заявители спорят с пустотой.

Слабый защитный текст выглядел бы примерно так: социальные последствия учитывались, консультации проводились, значит основание беспочвенно.

Марта стёрла последнюю фразу ещё до того, как успела её написать.

Достаточность была не бинарной категорией.

В одиннадцать тридцать Юлиан вошёл с планшетом и сразу спросил:

— Проект остановлен?

— Нет.

Он сел.

— Тогда это уже хорошая встреча.

Нина заняла место напротив Марты. Инесса принесла блокнот. Павел пришёл с распечатанной сметой, хотя никто его об этом не просил.

— Иск принят к производству, — сказала Марта. — До пятницы суд ждёт наши замечания по временной защите. По существу — двадцать рабочих дней.

Юлиан спросил:

— Что именно они хотят остановить?

— Принудительное отчуждение и снос спорных объектов до решения суда.

— Мы и так не собирались сносить их в пятницу.

— Поэтому не надо изображать, что просьба парализует проект.

— Я не изображаю. Я спрашиваю, что можно делать.

Марта развернула к нему лист.

— Геотехнические работы вне объектов, проектирование, согласования, подготовка закупок — сейчас продолжаются. Если суд сформулирует запрет шире, будем смотреть текст определения. Никаких предположений вместо него.

Юлиан кивнул.

— Бурение по северному участку заканчиваем в четверг. Следующий этап — лаборатория и уточнение основания насосной станции. Без доступа в жилые здания.

— Хорошо.

Нина спросила:

— А добровольные сделки?

— Заявители просят не запрещать их автоматически. Но если кто-то из них будет вести переговоры, служба переселения должна отдельно убедиться, что человек понимает последствия договора.

Инесса сказала:

— Мы и так это делаем.

— Теперь делайте с дополнительной записью в деле.

— Потому что они заявители?

— Потому что потом спор о том, понимал ли человек, что подписывает во время процесса, никому не нужен.

Павел листал иск.

— Они пишут, что стоимость была измерена гораздо точнее социального ущерба.

— Да.

— Потому что стоимость измеряется деньгами.

— Это часть ответа, но не весь ответ.

— Я не предлагаю оценивать соседей по квадратному метру.

— Хорошо, — сказал Юлиан. — У нас уже достаточно таблиц.

Павел посмотрел на него поверх очков.

— Ты недавно принёс таблицу с сорока семью показателями грунта.

— Грунт сотрудничает.

Инесса тихо рассмеялась.

Марта дала им несколько секунд.

— Ключевой вопрос будет не в том, почему социальные последствия не посчитали в евро. Вопрос будет: знала ли комиссия о них достаточно, чтобы разумно решить, какой вес им придать.

Нина сказала:

— Знала.

— Тогда это нужно показать последовательностью документов, а не повторять слово «учитывались».

Юлиан отложил планшет.

— Технически выбранный вариант не стал хуже из-за иска.

— Юридически тоже пока ничего такого не установлено.

— Но график может стать хуже.

— Может.

— Мне нужно понимать, какой резерв закладывать.

Павел сразу поднял голову.

— Не называй это резервом до определения суда.

— Почему?

— Потому что потом кто-нибудь увидит строку «судебная задержка — двадцать миллионов» и решит, что мы нарисовали цену за право людей подать иск.

Юлиан нахмурился.

— А если задержка действительно стоит денег?

— Тогда мы её считаем, — сказала Марта. — Но как последствие времени, а не как штраф за судебный контроль. И только когда появится реальный сценарий задержки.

Павел кивнул.

— Вот.

Юлиан посмотрел на обоих.

— Иногда мне кажется, что вы тратите половину жизни на то, чтобы одна правильная цифра не звучала как неправильная.

— Иногда так и есть, — сказала Марта.

После совещания она получила письмо от Алекса.

Без вступлений.

«В связи с регистрацией дела прошу дальнейшую процессуальную переписку по спору направлять также на мой адрес и адрес Сары Мин. Индивидуальные вопросы компенсации и сопровождения переселения могут продолжаться напрямую с клиентами с копией представителю только по их просьбе. Мы не рассматриваем участие в деле как отказ от переговоров».

Марта прочитала дважды.

Не потому, что там была ловушка.

Потому что её не было.

Она ответила: «Принято. Город придерживается того же разграничения».

Через несколько минут Алекс прислал одно слово: «Благодарю».

Это была их первая переписка после того, как они официально стали процессуальными противниками.

Она оказалась короче, чем переписка Марты с отделом закупок о цвете папок.

К трём часам перед администрацией появились две съёмочные группы. Марта видела их из окна переговорной. Одна журналистка говорила на фоне здания, держа микрофон слишком близко к лицу. На телефоне одновременно расходились два коротких ролика.

В первом Эва Мирен на ступенях Центра общественного права говорила: «Мы не просим оставить город без защиты. Мы просим ещё раз честно посмотреть, кого эта защита заставляет уйти».

Во втором мужчина, которого Марта не знала, снимал Вересковую с велосипеда и говорил: «Сто восемьдесят человек блокируют безопасность шестидесяти трёх тысяч».

Обе фразы помещались в двадцать секунд.

Ни одна не помещала дело целиком.

Марта закрыла видео.

К четырём Томас принёс распечатанную копию иска с цветными закладками.

— Красное — сроки. Синее — факты, которые они берут из публичных материалов. Жёлтое — правовые основания. Зелёное — то, с чем мы не спорим.

Марта посмотрела на документ.

Зелёного было неожиданно много.

— Это хороший знак? — спросил Томас.

— Это значит, что они не потратили время на спор с очевидным.

— Опять профессионально уважаешь неприятность?

— Именно.

Она пролистнула страницы.

На полях рядом с одним абзацем Томас написал: «Они делают из разной измеримости = разный вес?»

Марта поставила вопросительный знак.

— Не совсем. Их аргумент тоньше. Что разная измеримость могла фактически привести к разному весу. Нам нужно показать, почему способ оценки всё равно позволял комиссии принять разумное решение.

— То есть доказать не количество анализа, а его достаточность.

— Да.

— Мне не нравится слово «достаточность».

— Суду оно обычно нравится больше слова «идеально».

Томас помолчал.

— Будем просить отклонить временные меры полностью?

Марта посмотрела на календарь проекта, затем на просительную часть.

— Нет смысла спорить против запрета на то, чего город до ближайших месяцев и так не планировал делать. Возразим против любой формулировки, которая может остановить обратимые работы или добровольные сделки. По принудительному сносу скажем правду: сейчас его нет в графике до прохождения индивидуальных стадий.

— Это не выглядит как уступка?

— Только если наша цель — выглядеть, а не защищать проект.

Томас кивнул.

Он уже дошёл до двери, когда Марта сказала:

— И подготовь мне к утру таблицу всех утверждений иска, где они ссылаются на публичные документы. Три колонки: что утверждают, на какой материал ссылаются, что этот материал действительно говорит. Без комментариев.

— Почему без комментариев?

— Потому что сначала факты.

— Ты лишаешь меня искусства.

— До обеда.

Когда он ушёл, Марта открыла свою предварительную структуру ответа.

Четыре пункта превратились в семь. Она добавила консультации, пропорциональность и пределы судебного контроля.

Потом перечитала первый абзац и удалила фразу «заявители пытаются превратить политическое несогласие в юридический спор».

Она написала её автоматически.

И почти сразу поняла, что это неправда.

Политическое несогласие в деле было. Личное несогласие — тем более. Но Варн сделал то, что должен был сделать юрист: отделил их от вопроса, который суд действительно мог проверить.

У города оставался сильный ответ.

Проект был нужен. Альтернативы были реальными. Разница в стоимости и риске была существенной. Социальные последствия не отсутствовали из материалов. Комиссия имела право придавать разным факторам разный вес.

Теперь нужно было доказать не то, что жители ошибаются, когда говорят о потере.

Нужно было доказать, что администрация законно приняла решение, зная достаточно о том, что теряется.

Марта взяла карандаш и на первой странице иска написала для себя четыре слова:

«Не спорить с эмоцией».

Подумала и добавила ниже:

«Спорить со стандартом проверки».

За окном город продолжал работать. Трамваи подходили к остановке, машины стояли у светофора, река была где-то за несколькими кварталами и не интересовалась ни сроком на ответ, ни количеством заявителей.

До вчерашнего вечера у Марты было потенциальное дело.

Теперь у него был номер.

Глава 9

22 октября 2026 года

К утру четверга кран на кухне Эвы Мирен начал капать с таким чувством собственного достоинства, будто занимался этим по распоряжению суда.

Капля собиралась под носиком, тяжелела и падала в металлическую мойку.

Тик.

Эва затянула вентиль сильнее.

Тик.

Она подложила под кран сложенное кухонное полотенце. Звук стал тише, но вода никуда не делась.

— Прекрасно, — сказала Эва.

На холодильнике висело уведомление города, рядом — листок с номером Центра общественного права, расписание автобуса и магнит в форме чайника, который они с мужем купили много лет назад в городе, куда она больше ни разу не ездила. Теперь к ним добавилась визитка сантехника.

Он приходил два месяца назад из-за трубы под мойкой и тогда сказал, что смеситель тоже долго не протянет.

Эва позвонила ему в восемь двадцать.

— Новый смеситель или чинить? — спросила она после приветствия.

— Какой у вас там стоит?

— Тот же.

— Очень полезное описание.

— Вы его видели.

— Я вижу по шесть в день, госпожа Мирен.

Она назвала марку, прочитав её с основания крана.

Сантехник помолчал.

— Можно попробовать картридж. Сто сорок вместе с работой, если открутится нормально. Если нет — новый. Хороший будет триста с чем-то.

— А если мне через несколько месяцев, возможно, придётся переезжать?

На этот раз пауза была другой.

— Тогда он всё равно будет капать эти несколько месяцев.

Эва посмотрела на полотенце.

— Вы сегодня можете?

— После четырёх.

— Приходите.

Она положила телефон и почти сразу рассердилась на себя. Не из-за ста сорока евро. Из-за того, что даже кран теперь требовал ответа на вопрос, сколько времени ей ещё принадлежит собственная кухня.

В девять пришло письмо от службы оценки.

Осмотр квартиры был назначен на понедельник, двадцать шестое октября, в десять двадцать. От Эвы просили обеспечить доступ во все помещения и при желании подготовить сведения о ремонтах и улучшениях, которые могли повлиять на стоимость. В отдельном абзаце сообщалось, что участие собственника в административном деле не влияет на порядок оценки, право на десятипроцентную городскую надбавку или доступ к сопровождению при поиске жилья.

Эва прочитала последний абзац дважды.

Когда неделю назад она спрашивала об этом по телефону, ей ответили то же самое. Теперь ответ существовал в письме, и от этого становился одновременно надёжнее и неприятнее.

Город как будто говорил: можете судиться с нами в одной комнате и обсуждать цену вашей квартиры в другой. Двери не закрыты.

Она не знала, должно ли это успокаивать.

Эва распечатала письмо и положила его в картонную папку с надписью «ВЕРЕСКОВАЯ». Папка уже не закрывалась как следует. Уведомление. Памятка. Копия иска, которую Алекс раздал заявителям. Записи с первой встречи. Телефон Инессы Лор. Листок с тремя квартирами, которые Эва сама нашла в объявлениях и сразу отвергла: одна была на пятом этаже без лифта, вторая — рядом с шестиполосной улицей, третья стоила столько, что десятипроцентная надбавка выглядела не помощью, а хорошими манерами перед поражением.

Она вынула эти объявления и положила обратно.

В одиннадцать позвонила София Ренн из семнадцатого дома.

— Ты видела, что они пишут?

— Кто?

— «Арден сегодня». Я тебе отправила.

Телефон Эвы коротко звякнул.

На экране появился заголовок: «ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЗАЯВИТЕЛЕЙ ПРОСЯТ СУД ОСТАНОВИТЬ ПРОЕКТ ЗАЩИТЫ».

— Мы не просим остановить проект, — сказала Эва.

— Я знаю.

— Тогда зачем ты мне это прислала?

— Чтобы не злиться одной.

Эва открыла статью. Под заголовком текст был осторожнее. В третьем абзаце даже правильно пересказывались требования: отменить решение о маршруте, вернуть вопрос на повторное рассмотрение, временно запретить необратимые действия в отношении спорных объектов. Но заголовок уже сделал всё необходимое.

— Не читай комментарии, — сказала София.

Эва прокрутила ниже.

— Поздно.

Первый комментарий спрашивал, почему сто восемьдесят человек имеют право рисковать больницей ради старых квартир. Второй утверждал, что город «продался строителям». Третий предлагал всем заявителям самостоятельно оплатить более дорогой маршрут.

— Закрой, — сказала София.

— Уже закрыла.

Это было неправдой, но через десять секунд Эва всё-таки закрыла страницу.

К обеду дождь закончился. Она пошла к Кларе за хлебом и молоком. Продуктовый магазин работал как всегда: у входа стояли ящики с яблоками, внутри гудел старый холодильник с напитками, Клара одновременно принимала поставку и объясняла мужчине у кассы, что скидка на сыр закончилась вчера, а его личное несогласие с календарём ничего не меняет.

— Эва, подожди минуту, — сказала она, подписывая накладную.

— Я никуда не тороплюсь.

— Теперь это спорное утверждение для всей улицы.

Эва хотела не улыбаться, но улыбнулась.

Клара закончила с поставщиком и протянула ей хлеб.

— Сегодня в шесть у Миры собираемся?

— Да.

— Алекс будет?

— Сказал, зайдёт ненадолго. У него завтра срок по временным мерам.

— У города срок.

— У города. У него, значит, срок ждать, что они напишут.

Клара фыркнула.

— Юристы даже ожидание умеют превратить в работу.

У двери Эва столкнулась с Леоной.

Та держала прозрачную папку с планировками квартир.

Эва посмотрела на папку, потом на неё.

— Опять смотришь?

— Сегодня две.

— Где?

— Кварталы Моста. Одна с лифтом. Вторая без лифта, зато дешевле.

— Ты же сказала, что сначала хочешь оценку.

— Хочу. Поэтому смотрю, что можно купить на разные суммы.

Леоны говорила спокойно, и это почему-то раздражало сильнее, чем если бы она оправдывалась.

— Иск уже подан.

— Я слышала.

— И?

— И я в нём не участвую, Эва.

Клара, которая ещё секунду назад раскладывала сдачу, внезапно стала очень занята пакетом с луком.

Эва взяла молоко.

— Я просто говорю, что теперь хотя бы есть шанс заставить их пересмотреть.

— Есть.

— Тогда можно немного подождать.

Леоны поправила папку под мышкой.

— Тебе можно. Мне тоже можно. Только я могу решить иначе.

Она сказала это без злости и прошла к холодильнику.

На улице Эва обнаружила, что сердится уже не на Леоны, а на собственную неспособность придумать ответ, который не звучал бы как требование прожить следующий год по чужому расписанию.

У северного конца Вересковой стояли оранжевые ограждения. Рабочие вытаскивали из земли последние секции буровой колонны. У одного грузовика лежали серые цилиндры грунта в пластиковых лотках, аккуратно подписанные маркером.

Иск был подан во вторник.

Сегодня был четверг.

Бурение закончилось по графику.

Эва остановилась на другой стороне улицы и несколько секунд смотрела, как рабочий смывает грязь с инструмента.

В этом не было ни демонстрации силы, ни злорадства. Никто не прикрепил к ограждению табличку «суд нам не мешает». Люди просто выполняли работу, которую им разрешалось выполнять.

От этого становилось яснее, чем от любого письма: дело в суде и жизнь за его пределами шли одновременно.

В шесть в «Липе» собралось человек тридцать. Не только заявители. Мира оставила кафе открытым до пяти тридцати, затем перевернула табличку на двери и выставила на столы чайники с водой. Кофе желающие покупали сами.

— Общественная борьба общественной борьбой, — сказала она, — а зерно мне бесплатно никто не поставляет.

Томас Ивен уже занял место у окна. Перед ним лежала копия иска с жёлтыми закладками. Хана Вейс сидела рядом с Нелой Дров. Руди Белл пришёл позже и сразу спросил, не будет ли встреча длиннее часа, потому что у него машина стояла там, где после восьми начиналась ночная уборка улицы.

Алекс появился без папки, только с телефоном и тонким блокнотом.

— Я на двадцать минут, — сказал он. — И сразу плохая новость: наличие дела не означает, что всё остальное остановилось.

— Мы заметили, — сказала Эва.

Она рассказала про бурение.

— Оно не входит в наши временные требования, если не создаёт необратимого воздействия на спорные объекты, — ответил Алекс. — Мы это сделали сознательно.

Томас нахмурился.

— А оценки квартир?

— Продолжаются.

— Предложения о продаже?

— Когда город их начнёт направлять, тоже могут продолжаться. Мы не просили запрещать добровольные сделки.

В комнате заговорили сразу несколько человек.

Алекс поднял ладонь.

— Ещё раз. Судебный иск не превращает район в замороженную фотографию. Мы просим временно не допустить принудительных необратимых действий до проверки решения о маршруте. Если собственник хочет получить оценку, обсуждать предложение, искать жильё или даже продать объект добровольно, само участие в деле этого не запрещает.

— А если заявитель продаст? — спросила Хана.

— Тогда нужно отдельно оценивать, сохраняется ли у него собственный правовой интерес и хочет ли он продолжать участие. Перед подписанием договора поговорите со мной. Не после.

— То есть можно выиграть дело и уже не жить здесь, — сказала Нела.

— Можно. Можно проиграть дело и всё ещё жить здесь какое-то время. Эти вещи не синхронизированы так удобно, как хотелось бы.

Эва посмотрела на него.

— А суд когда решит по временным мерам?

— Город должен подать замечания завтра до полудня. После этого судья Лесс либо решит по письменным материалам, либо назначит короткое заседание. Пока определения нет.

— А если город завтра начнёт принудительно забирать квартиры? — спросил кто-то сзади.

— Индивидуальная процедура до этого ещё не дошла, — сказал Алекс. — И город сам это указывал. Не надо придумывать угрозу, которой сегодня нет. У нас достаточно настоящих вопросов.

Эва заметила, как Томас недовольно поджал губы.

Ей самой ответ тоже не понравился. Но она уже знала эту привычку Алекса: он отказывался усиливать хороший аргумент плохим, даже если плохой звучал громче.

Когда юридические вопросы закончились, начались более трудные.

Хана спросила, стоит ли вносить деньги в ремонт подъезда, если дом могут выкупить через несколько месяцев. Руди хотел знать, имеет ли смысл менять ворота гаража. Нела снимала квартиру и спорила с хозяином о стиральной машине: тот теперь говорил, что покупать новую бессмысленно из-за проекта.

— Я не могу дать вам общий совет, чинить ли кран, ворота или стиральную машину, — сказал Алекс.

— Очень удобная специализация, — заметила Эва.

Он улыбнулся.

— Право вообще плохо ремонтирует сантехнику.

— Я сегодня это проверю.

Алекс стал серьезнее.

— Но одну вещь скажу. Не исходите из того, что решение суда обязательно появится раньше, чем вам придётся принимать обычные решения. И не исходите из того, что участие в деле освобождает кого-то от необходимости жить в доме сейчас.

Это прозвучало почти обидно своей очевидностью.

Через десять минут он ушёл на другую встречу. После него обсуждение стало менее юридическим и более опасным.

Томас первым сказал то, что несколько человек явно уже думали.

— Пока дело идёт, нам нельзя разбежаться.

Хана повернулась к нему.

— Что значит «нельзя»?

— Если половина продаст городу квартиры до решения, что мы вообще защищаем?

— Я защищаю нормальное рассмотрение маршрута, — сказала Хана. — Я не подписывала обещание жить здесь до смерти.

— Никто не говорит до смерти.

— Ты только что сказал «нельзя разбежаться».

Томас посмотрел на остальных, словно рассчитывал найти более удачную формулировку в чужих лицах.

— Я говорю, что город получит то, чего хочет, ещё до суда.

— Город хочет построить стену, — сказал Руди. — Не коллекцию наших ключей.

Несколько человек засмеялись.

В этот момент открылась дверь, и вошла Леона.

Эва не знала, кто её позвал. Возможно, Мира. Возможно, никто: Леона всё ещё жила здесь и не нуждалась в приглашении, чтобы прийти в кафе на своей улице.

Она сняла мокрый плащ и села у края стола.

— Продолжайте, — сказала она. — Я уже чувствую, что попала в хорошее место.

Томас посмотрел на неё.

— Мы обсуждаем, что массовые продажи во время дела ослабят район.

— Тогда вам будет полезно знать, что я сегодня смотрела две квартиры.

Эва закрыла глаза на секунду.

— Леона.

— Что?

— Ты специально?

— Нет. Специально я пошла посмотреть квартиры. Сюда я пришла за кофе.

Мира из-за стойки подняла палец.

— Который платный.

Леона кивнула и положила монеты на блюдце.

Томас сказал:

— Если ты сейчас продашь, это будет сигнал городу, что людям всё равно.

Леона медленно повернулась к нему.

— Нет. Это будет сигнал городу, что один человек продал одну квартиру.

— Они потом скажут, что район уже расселяется добровольно.

— А я должна отказаться от квартиры с лифтом, которая мне подходит, чтобы у вас был хороший аргумент?

— Речь не о твоём лифте.

— Для тебя — нет.

Эва почувствовала, что должна поддержать Томаса. Ещё утром ей казалось очевидным: если они требуют повторно рассмотреть маршрут, нужно хотя бы дать этому требованию время.

— Мы не просим тебя отказаться навсегда, — сказала она. — Просто дождаться хотя бы первого решения суда.

Леона посмотрела уже на неё.

— Первого какого? По временным мерам? По существу? По апелляции, если она будет? По новой комиссии, если вы выиграете?

Эва не ответила.

— Я не хочу потратить неизвестно сколько своей жизни на ожидание, — продолжила Леона. — Я пять лет говорю, что мне нужен дом с лифтом. Теперь у меня есть причина сделать это. Если город предложит нормальную цену, я уеду.

— И тебе совсем не важно, что будет с улицей?

Как только слова вышли, Эва поняла, что сказала не то.

Леона тоже поняла.

— Важно, — ответила она. — Поэтому неприятно, когда ты объясняешь мне, что единственный способ это доказать — остаться.

В кафе стало тихо.

Эва посмотрела на чашку перед собой. На белой керамике у ручки был маленький скол. Она знала этот скол. Мира уже года три подавала в этой чашке чай и каждый раз обещала выбросить её, если край станет острым.

— Я не это имела в виду, — сказала Эва.

— А прозвучало именно так.

— Я знаю.

Это было не извинение целиком, но хотя бы его начало.

Леона отпила кофе.

— Район не станет менее настоящим, если я уеду раньше тебя.

Томас тихо сказал:

— Он станет на одного человека меньше.

— Да, — ответила Леона. — Станет.

И в этой фразе не было хорошего выхода ни для кого.

Собрание закончилось около восьми. Никто ничего не проголосовал. Хана всё ещё собиралась участвовать в деле и одновременно ждать оценки. Нела решила потребовать от хозяина новую стиральную машину независимо от проекта. Руди сказал, что ворота пока починит, но менять не будет. Леона ушла первой, забрав папку с планировками.

Эва осталась помогать Мире собирать чашки.

— Ты на неё зря, — сказала Мира.

— Я уже поняла.

— Это хорошо. Обычно люди понимают такое через три дня и двух посредников.

— Спасибо за поддержку.

Мира поставила чашки в посудомоечную машину.

Из подсобки вышел Малик с зелёным складным стулом в руках.

Эва остановилась.

— Так вот где он.

— Что?

— Этот стул три недели ищут.

Малик посмотрел на стул.

— У него ножка шаталась. Мира попросила посмотреть.

Мира подняла голову.

— Я просила?

— Ты сказала: «Если умеешь чинить велосипеды, можешь сделать что-нибудь с этим ужасом?»

— Это не официальный заказ.

— Поэтому бесплатно.

Эва рассмеялась раньше, чем успела решить, хочет ли.

Малик поставил стул на пол и надавил ладонью на спинку.

— Теперь не шатается.

— Томас утверждал, что его кто-то унёс после первой встречи, — сказала Эва.

— Технически унёс.

— Завтра скажу ему, что дело раскрыто.

— Только не подавайте ещё один иск.

Когда Эва вернулась домой, сантехник уже оставил на краю мойки старый картридж и новый чек.

Сто сорок евро.

Кран не капал.

Она открыла воду, закрыла, подождала.

Тишина.

На столе лежало письмо об оценке квартиры в понедельник. В папке — иск. В телефоне — сообщение от Софии с очередным заголовком, которое Эва решила не открывать.

Она убрала чек в кухонный ящик, не в папку «ВЕРЕСКОВАЯ».

Некоторые расходы всё ещё принадлежали просто дому.

По крайней мере сегодня.

Глава 10

27 октября 2026 года

В девять сорок утра Алекс Варн стоял у рамки досмотра Административного суда Ардена и объяснял охраннику, почему картонный тубус с картой Вересковой набережной не является предметом, которым он намерен причинить вред государственному учреждению.

— Он длинный, — сказал охранник.

— Это его основное свойство.

— Открывайте.

Алекс снял крышку. Внутри была одна карта формата А1, купленная в копировальном центре вчера вечером, потому что Сара Мин совершенно справедливо заметила: если на заседании понадобится показать границы спорных объектов, двадцать шесть человек, склонённых над экраном ноутбука, будут выглядеть как плохо организованный кружок шахматистов.

Охранник заглянул внутрь.

— Всё?

— Я надеюсь.

— Я тоже.

За Алексом тихо рассмеялась Эва Мирен.

Он обернулся.

Она пришла раньше, чем он просил, в тёмном пальто и с той самой синей папкой, которая за последние недели распухла настолько, что резинка уже не держала её закрытой.

— Я говорил не приносить документы, — сказал Алекс.

— Я не принесла документы. Это мои бумаги.

— Разница юридически впечатляющая.

— Вот видите. Я чему-то учусь.

Он не стал спрашивать, что лежит внутри. Скорее всего, уведомление, иск, письмо об оценке, чек за кран и ещё десяток вещей, не относящихся к сегодняшнему вопросу. За месяц Алекс понял, что папка Эвы была не архивом дела. Она была способом не дать разным частям происходящего расползтись по квартире.

— Оценщик вчера приходил? — спросил он.

— Приходил. Измерил кухню, записал окна, спросил, когда меняли проводку. Очень интересовался шкафом в коридоре.

— Встроенный?

— Да. Соседями не интересовался.

— Он оценивает недвижимость.

— Я заметила.

Осмотр занял сорок минут, рассказала Эва. Итоговой суммы ещё не было. Алекс попросил прислать отчёт, когда он появится, но сегодня оценка квартиры не имела отношения к вопросу, который собирался решать суд.

Заседание назначили в пятницу, через несколько часов после того, как город подал письменные замечания на ходатайство о временной защите. Судья Лесс дала сторонам по десять страниц на дополнительные пояснения и предупредила, что не намерена на первом заседании слушать спор о том, какая линия противопаводковой защиты лучше.

Вчера вечером Алекс отправил клиентам письмо с той же мыслью, только длиннее.

«Сегодня суд не решит, будет ли отменён маршрут. Не решит размер компенсации. Не определит альтернативный вариант. Рассматривается только вопрос о временных мерах до решения по существу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.